

18+

12

навых
историй
о настоящей
любви

Ли
Бардуго

Кассандра
Клэр

Дженни
Хан

Вероника
Рот
и другие...

Вероника Рот

**12 новых историй о
настоящей любви (сборник)**

«АСТ»

2016

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44

Рот В.

12 новых историй о настоящей любви (сборник) / В. Рот —
«АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-103644-7

Кассандра Клэр, Холли Блэк, Вероника Рот, Лев Гроссман и другие написали чудесные истории о лучшем чувстве на земле. И теперь у вас есть двенадцать прекрасных, чтобы влюбиться эти летом. Озеро, где плавает серебристый морской змей или школьный стадион, карнавал ужасов или спа-курорт, город, в котором остановилось время, или фуникулер, – влюбиться можно где угодно. Главное, чтобы это произошло летом!

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-103644-7

© Рот В., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Ли Бардуго	6
Нина Лакур	24
Либба Брэй	41
Конец ознакомительного фрагмента.	62

12 новых историй о настоящей любви

Сборник

Summer Days & Summer Nights. Twelve Love Stories

Copyright © 2016 by Stephanie Perkins

«HEAD, SCALES, TONGUE, TAIL» Copyright © 2016 by Leigh Bardugo

«THE END OF LOVE» Copyright © 2016 by Nina LaCour

«LAST STAND AT THE CINEGORE» Copyright © 2016 by Libba Bray

«SICK PLEASURE» Copyright © 2016 by Francesca Lia Block

«IN NINETY MINUTES, TURN NORTH» Copyright © 2016 by Stephanie

Perkins

«SOUVENIRS» Copyright © 2016 by Tim Federle

«INERTIA» Copyright © 2016 by Veronica Roth

«LOVE IS THE LAST RESORT» Copyright © 2016 by Jon Skovron

«GOOD LUCK AND FAREWELL» Copyright © 2016 by Brandy Colbert

«BRAND NEW ATTRACTION» Copyright © 2016 by Cassandra Clare,

LLC.

«A THOUSAND WAYS THIS COULD ALL GO WRONG» Copyright ©

2016

by Jennifer E. Smith Inc.

«THE MAP OF TINY PERFECT THINGS» Copyright © 2016 by Lev

Grossman

© П. Киселева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Посвящается Джерроду – моему лучшему другу и истинной любви

Ли Бардуго

Голова, чешуя, язык и хвост

Голова

Об Анне-Ли Саперстейн и о том, почему она приехала в Литл-Спиндл, ходило множество слухов, но Грейси особенно нравилась версия про жару.

В 1986 году лето в Нью-Йорке выдалось таким невыносимо жарким, что все, кто мог себе это позволить, поспешили уехать из города. Тротуары плавились от жары, одного мужчину нашли мертвым в ванне, а у его волосатых колен плавал электрический вентилятор. Городская электросеть то и дело отключалась, мерцая, как облепленный мошками фонарь. В Верхнем Ист-Сайде, в квартирах над булочными, кулинарными, универмагами «Вулвортс» и гастрономами «Ред Эппл», люди спали поверх простыней, посасывали завернутый в носовые платки лед и шире распахивали окна в надежде на дуновение ветра. Вот почему, когда жаркой июльской ночью Гудзон вышел из берегов и отправился на поиски приключений, окно в спальне Рут Блонкси, подпертое помятой обувной коробкой, оказалось открытым.

В тот день Рут гуляла с друзьями в Риверсайд-парке, ела лимонный лед и щеголяла новым сарафаном цвета спелой хурмы. Вообще-то это была старая ночнушка, которую она собственноручно перекрасила, потратив две пачки краски и добившись весьма неоднозначного результата. Уже несколько дней подряд обещали дожди, но небо все еще тяжело нависало над городом вздувшимся пузом туч и отказывалось разродиться. Покрываясь испариной, Рут перегнулась через перила, глядя на вспучившуюся поверхность реки, тусклую и темную под затянутым тучами небом. У нее возникло жутковатое ощущение, что вода тоже посмотрела на нее.

Вдруг с маленькой розовой ложечки в руке Рут скатилась капля мороженого, холодным язычком лизнув ее запястье, и тут Марва Эллсбург окликнула ее:

– Пойдем в «Джейбис» смотреть пластинки!

Рут слизнула лимонную каплю с руки и перестала думать о реке.

Однако той ночью, когда она проснулась на скомканных и мокрых от пота простынях, ей сразу же вспомнилось то липкое прикосновение. Она уснула в одежде, влажный сарафан прилип к животу. Тело под ним пылало от смутных воспоминаний о речном боге – мускулистой фигуре с серой кожей в сине-зеленую крапинку, грациозно лавировавшей в бурном потоке сна. На губах остался привкус недавнего поцелуя, а голова кружилась, будто она слишком резко вынырнула с большой глубины. Уши у нее заложило, и немало времени утекло, прежде чем это прошло, а в нос ударил знакомый мшисто-металлический запах мокрого бетона. Наконец она сообразила, что за звук доносится сквозь открытое окно: дождь размеренно барабанил по преддверным улицам. Небо наконец разродилось.

А девять месяцев спустя Рут родила дочку с глазами цвета речного ила и волосами-водорослями. Когда отец выгнал Рут из дома, выкрикивая вслед проклятия на польском и английском и бросаясь угрозами в адрес пуэрториканца, с которым Рут ходила на бал в предпоследнем классе, Анна-Ли Саперстейн приютила ее у себя, невзирая на злобное кудахтанье соседей. Анна-Ли работала в круглосуточной прачечной самообслуживания. Никто толком не понимал, когда она спит, поскольку в любое время дня и ночи ее можно было застать сидящей с кроссвордом в свете флуоресцентных ламп, под шум и жужжание стиральных машин. Джоуи Пас-тан однажды нагрубил ей, когда у него кончились четвертаки, и потом клялся, что сушилки злобно на него зарычали. Так что никто не удивился, когда Анна-Ли поверила Рут Блонкси. А когда, стоя в очереди в кулинарии «Гитлиц», Анна-Ли врезала отцу Рут полуфунтовым сверт-

ком только что купленной тонко нарезанной солонины и заявила, что от речных духов не убежишь, никто не решился с ней спорить.

Дочка Рут наотрез отказывалась от молока и пила только соленую воду, а ела исключительно устрицы, моллюсков и речных раков, которые приходилось целыми ящиками доставлять в тесную квартирку Анны-Ли. Впрочем, судя по всему, это пошло ей на пользу: зеленоглазая малышка превратилась в девушку сногшибательной красоты. Однажды, переходя Амстердам-авеню, она попала на глаза сотруднику модельного агентства и вскоре стала знаменитой моделью, прославившись своими пухлыми чувственными губами и русалочьей пластикой. Она купила матери пентхаус на Парк-авеню, на стены которого они повесили картины, изображавшие пустынные цветы и пересохшие русла рек. Анне-Ли Саперстейн они подарили кругленькую сумму, которая позволила ей бросить работу в прачечной и перебраться в Литл-Спиндл, где она открыла закусочную «Дэйри Квин».

Такова была одна из версий появления Анны-Ли Саперстейн в Литл-Спиндл, и Грейси она казалась вполне логичной. С чего бы еще Анне-Ли выписывать французский и итальянский «Вог», если она в жизни не носила ничего, кроме задрипанных синтетических платьев и сандалий с носками?

Поговаривали, что Анна-Ли обладает неким особым знанием. Вот почему Донна Бэйквелл отправилась к ней в то лето, когда ее терьера сбила машина и она плакала не переставая, даже во сне, по дороге в продуктовый за консервированной фасолью или отвечая на телефонный звонок. Звонившие ей слышали на другом конце провода лишь рыдания и всхлипы. Однако разговор с Анной-Ли каким-то образом сотворил то, чего не сумели добиться врачи и таблетки, и слезы Донны наконец иссякли. Поэтому же и Джейсон Майло, который не мог отделаться от мысли, что бывшая жена прокляла его новенький пикап, отправился однажды ночью в закусочную к Анне-Ли. И именно поэтому, когда Грейси Мишо увидела в озере Литл-Спиндл нечто, удивительно похожее на морское чудовище, она тоже обратилась к Анне-Ли Саперстейн.

Грейси сидела на берегу в небольшой бухточке, которую считала своим личным убежищем: это была небольшая выемка в скалах с южной стороны озера, которая, казалось, никого больше не интересовала. Для любителей позагорать там было слишком тенисто, а столов для пикника и веревочных качелей, на которые туристы летом слетаются как мухи, там не было. Она бросала камушки в воду, изо всех сил стараясь не ковырять ссадину на коленке, чтобы ноги хорошо выглядели в джинсовых шортах, которые она укоротила в свой четырнадцатый день рождения, но, услышав всплеск, все же не смогла удержаться. Из-под воды один за другим показались три бугорка, образовавшие миниатюрный блестящий горный хребт. Потом они исчезли, а за ними мелькнул – Грейси отказывалась верить собственным глазам – самый настоящий хвост!

Грейси попятилась к соснам и с трудом поднялась на ноги. Сердце бешено стучало в груди. Она ждала, что водная гладь снова расступится и на песок выползет нечто гигантское и чешуйчатое, но ничего не произошло. Она ощутила во рту солоноватый привкус крови: прикусила язык. Она сплюнула, вскочила на велосипед и принялась отчаянно крутить педали, устремившись по бугристой тропинке к главной дороге, а потом с грохотом промчалась через весь город.

Впрочем, путь был недлинный: городок-то был всего ничего. Мини-маркет, автозаправка с единственным в городе банкоматом, ветеринарная клиника, несколько сувенирных магазинчиков и старый бизнес-клуб, превратившийся в библиотеку после того, как десять лет назад затопило библиотеку в соседнем городе Грейтер-Спиндл. В Литл-Спиндл не было ни такого оживленного трафика, ни такого скопления нарядных домов, как в Грейтер-Спиндл: лишь скромные коттеджи в аренду да одна захудалая гостиница. Несмотря на большое озеро

и вполне годные земли вокруг него, люди почему-то предпочитали держаться подальше от Литтл-Спиндл.

Издали озеро выглядело довольно симпатично, посверкивая в просветах между соснами голубыми сполохами и яркими отблесками солнечного света, отражающегося от водной глади. Но по мере приближения к нему настроение начинало ухудшаться, а у кромки воды становилось совсем мрачным. Можно было уговорить себя пройти по пляжу, покачаться на качелях из старой крыши, но стоило отпустить веревку и зависнуть на долю секунды над водой, становилось абсолютно ясно, что это чудовищная ошибка и что, погрузившись под воду, ты исчезнешь навсегда. И что это озеро – не озеро вовсе, а жадная зловещая пасть. На некоторых этот эффект вроде бы не действовал, но многие отказывались и пальцем коснуться воды.

Единственным местом, где дела круглый год шли хорошо, была закусочная «Дэйри Квин», хотя всего в нескольких километрах находилась еще одна такая же. Почему Анна-Ли решила открыть свое дело в Литтл-Спиндл, а не в Грейтер-Спиндл, оставалось загадкой для всех, кроме нее самой.

В тот день Грейси не отправилась напрямик в «Дэйри Квин» – во всяком случае, не сразу. Она доехала до самого дома, бросила велосипед во дворе и уже взялась за ручку входной двери, как вдруг спохватилась. Эрик и ее мама предпочитали проводить воскресные дни на заднем дворе, разлегшись на пластиковых шезлонгах и держась за руки, как пара морских котиков на лежбище. Они оба допоздна работали в больнице в Грейтер-Спиндл и все выходные посвящали любимому хобби – сну.

Грейси замерла, протянув руку к двери. Ну что она скажет матери? Своей усталой матери, которая выглядит встревоженной даже во сне? Там, у озера, Грейси на мгновение снова превратилась в маленькую девочку, но ведь ей уже четырнадцать. Нужно самой во всем разобраться.

Она снова села на велосипед и медленно, задумчиво поехала куда глаза глядят. Уверенность в том, что она видела, то, что видела, постепенно улетучивалась, будто ее выпаривало солнце. Что же она видела на самом деле? Может, это была рыба? Косяк рыб? Но, видимо, подсознание само вело ее куда нужно – доехав до «Дэйри Квин», она свернула на парковку.

Анна-Ли Саперстейн по обыкновению сидела за столом у окна, разгадывая кроссворд, рядом с ней стояла вазочка с подтаявшим арахисовым парфе. Грейси плохо знала Анну-Ли, но любила слушать рассказы о ней, а мать часто посылала ее позвать старушку на ужин.

– Она старая и одинокая, – говорила мама. – Ей будет приятно.

Мама размахивала пальцем у нее перед носом, будто дирижируя невидимым оркестром, и приговаривала:

– Никому не нравится одиночество.

Грейси старалась не закатывать глаза. Правда старалась.

А теперь она уселась на жесткое красное сиденье напротив Анны-Ли и спросила:

– Вы знаете что-нибудь про Иджи-Пиджи?

– И тебе не хворать, – проворчала Анна-Ли, не поднимая глаз от кроссворда.

– Извините, – смутилась Грейси. Она хотела уже рассказать про свое странное утро, но вместо этого спросила: – Как ваши дела?

– Пока не померла. Ты причесываться не пробовала?

– А толку-то, – Грейси попыталась собрать блестящие черные волосы в хвост. – Мои волосы не поддаются дисциплине.

Она немного помолчала и снова задала вопрос:

– Так что насчет чудища в озере?

Грейси знала, что она не первая, кто утверждает, будто видел в озере *нечто*. Было несколько случаев в шестидесятые и семидесятые, хотя, по словам мамы, дело было в том, что тогда все поголовно баловались наркотой. Городской совет даже попытался превратить

эти слухи в туристическую достопримечательность, дав чудищу ласковое прозвище Иджи-Пиджи и изобразив дружелюбного лупоглазого морского змея на табличке «Добро пожаловать в Литтл-Спиндл». Трюк не сработал, но очертания чудища при въезде в город можно было различить до сих пор, а пару лет назад кто-то пририсовал ему гигантский фаллос. Три дня, пока городские власти не заметили непристойное изображение и не велели его закрасить, казалось, будто Иджи-Пиджи совокупляется с последней буквой «л» в слове «Спиндл».

– Ты про Лохнесское чудовище? – спросила Анна-Ли, глянув на Грейси сквозь толстые стекла очков. – Да у тебя, похоже, солнечный удар.

Грейси пожалала плечами. Она всю жизнь так и жила – от одного солнечного удара до другого.

– Я про наше чудище в озере. – На Лохнесское чудовище оно было не похоже: форма совсем другая. Скорее уж похоже на ту придурковатую змеюку на табличке.

– Спроси того парня.

– Какого?

– Не знаю, как его звать. Из отдыхающих. Приходит сюда каждый день в четыре, за мороженым в вишневой глазури.

Грейси скривилась.

– Вишневая глазурь – мерзость!

Анна-Ли наставительно потрясла ручкой перед лицом Грейси.

– Зато продается хорошо.

– Как он хоть выглядит?

– Тощий. С большим фиолетовым рюкзаком. Белобрысый.

Грейси разочарованно откинулась на спинку сиденья.

– Илай?

Грейси знала большинство ребят, которые приезжали отдыхать в Литтл-Спиндл. Почти все они общались между собой. Родители приглашали друг друга на барбекю, а подростки передвигались по городу шумными стайками на велосипедах-внедорожниках, ездили на озера, тусовались в закусочных, а ближе к Дню труда заходили в сувенирные лавки, чтобы купить кепку или брелок. Но Илай держался особняком. Похоже, его семья снимала дом где-то с северной стороны озера, потому что каждый год в мае можно было видеть, как он шагает по главной дороге на юг в полосатых шортах, которые ему явно велики, выцветших кедах «Ванс» и с фиолетовым рюкзаком за спиной. Он заходил в библиотеку и торчал там целыми днями в одиночестве, а потом снова взваливал на плечи свой рюкзакище и тащился обратно, как гигантская белобрысая гусеница, а по дороге непременно заглядывал в «Дэйри Квин» – как теперь выяснилось, за мороженым в вишневой глазури.

– А что с ним не так? – спросила Анна-Ли.

Объяснить было трудно. Грейси пожалала плечами.

– Да просто он мерзкий какой-то.

– Живое воплощение вишневой глазури?

Грейси рассмеялась, но тут же пожалела об этом, заметив, как Анна-Ли смотрит на нее поверх очков.

– Можно подумать, ты у нас городская знаменитость. Тебе бы не помешало завести парочку новых друзей.

Грейси принялась теревить необработанный край недавно обрезанных шортов. Да есть у нее друзья. Моузи Эллен – нормальная девчонка. И Лайла Брайтман. Ей есть с кем сидеть в столовой, и есть кому подождать ее перед первым звонком.

Вот только Моузи и Лайла жили в Грейтер-Спиндл, как и большинство ребят из школы.

– Да и что этот Илай может знать про Иджи-Пиджи? – спросила Грейси.

– Так ведь он целыми днями торчит в библиотеке, разве нет?

Пожалуй, в чем-то Анна-Ли была права. Грейси постучала пальцами по столу, скovyрнув облупленный сиреневый лак на ногте большого пальца. Ей вспомнилась история про речного бога и зеленоглазую девочку.

– Так вы раньше ничего подобного не видели?

– Да я ручку у себя под носом с трудом вижу, – проворчала Анна-Ли.

– Но если человек видел чудище – настоящее, я имею в виду, – то у него, наверно, с головой не в порядке?

Анна-Ли узловатым пальцем поправила очки на носу. Карие глаза за ними влажно поблескивали.

– Чудища – они повсюду, цигеле, – сказала она. – Всегда полезно знать их по именам. – Она сунула в рот ложку подтаявшего мороженого и причмокнула. – А вот и твой дружок.

Илай Кадди стоял у стойки, ссутулившись под тяжестью рюкзака, и делал заказ. Проблема была не в том, что Илай предпочитал проводить время в помещении, а не на улице. Грейси смущало не это. Дело было в том, что он никогда ни с кем не разговаривал. А еще в том, что он всегда казался каким-то мокрым. Одежда как будто липла к его тощей груди. Казалось, если коснуться его кожи, она тоже окажется влажной.

Илай уселся за столик на двоих и подпер раскрытую книжку рюкзаком, намереваясь почитать за едой.

«Да кто так ест мороженое?» – подумала Грейси, наблюдая, как он аккуратно откусывает по чуть-чуть. Тут ей вспомнились странные очертания в озере. «Это просто игра света», – настаивал разум. «Нет, чешуя», – твердило сердце.

– А что такое «цигеле»? – спросила она у Анны-Ли.

– Козочка, – ответила та. – Давай, козочка, вперед.

А почему бы, собственно, и нет? Грейси вытерла руки о шорты и двинулась к столику Илая. Она чувствовала себя смелее, чем обычно. Может, потому, что не имело никакого значения, что она ему скажет? Даже если она выставит себя полной дурой – ну кому он расскажет?

– Привет, – сказала Грейси. Илай моргнул и поднял на нее глаза. Она не знала, куда девать руки, поэтому уперла их в бока, но потом забеспокоилась, что выглядит, будто собирается пуститься в пляс, и опустила их.

– Тебя Илай зовут, да?

– Ага.

– А я Грейси.

– Я знаю. Ты в сувенирном работаешь.

– Ой, – удивилась она. – Ну да.

Летом Грейси подрабатывала по утрам в сувенирной лавке – в основном потому, что хозяйка, Хенни, жалела ее и позволяла приходить и протирать пыль с товаров за пару долларов в час. Но разве Илай к ним когда-нибудь заходил?

Он выжидающе смотрел на нее. Грейси пожалела, что не придумала заранее, что будет говорить. Объявить, что она верит в чудищ, было все равно что показать кому-нибудь свою коллекцию плюшевых игрушек, сидящих в рядок на постели. Это значило признать: «Я все еще ребенок. Я все еще боюсь чудовищ, которые могут схватить тебя за ногу и утащить в бездну».

– Знаешь Лохнесское чудовище? – выпалила она.

Илай приподнял бровь.

– Лично не знаком.

Грейси пошла напролом.

– Как ты думаешь, оно правда существует?

Илай аккуратно закрыл книгу и посмотрел на нее очень серьезными и очень голубыми глазами, все плотнее сдвигая брови. Ресницы у него были такие светлые, что казались серебряными.

– Ты что, просматривала мою библиотечную карточку? – спросил он. – Это федеральное преступление.

– Что? – теперь Грейс уставилась на него во все глаза. – Нет, я за тобой не шпионила. Просто спрашиваю.

– А, ну хорошо. Вообще-то я не уверен, что это преступление.

– Да что ты там такое смотрел, что боишься, как бы другие не увидели? Порнушку?

– Тоннами, – тем же серьезным тоном ответил он. – Столько, сколько смог раздобыть. Ваша библиотека невелика, но подборка там весьма изысканная.

Грейси фыркнула, а Илай слегка улыбнулся.

– Ладно, извращенец. Анна-Ли сказала, что ты можешь знать что-нибудь про Иджи-Пиджи и всякое такое.

– Анна-Ли?

Грейси мотнула головой в сторону столика у окна, за которым нервного вида мужчина в гавайской рубашке что-то шептал Анне-Ли, теребя в руках салфетку.

– Хозяйка.

– Я увлекаюсь криптозоологией, – сказал Илай. Заметив ее непонимающий взгляд, он продолжил: – Йети, Лохнесское чудовище, огопого ¹, вот это все.

Грейси замешкалась.

– Так ты думаешь, они все существуют?

– Статистически – не все. Но никто ведь не знал, что гигантский кальмар существует, пока его не обнаружили у берегов Новой Зеландии.

– Правда?

Илай с деловым видом кивнул.

– В Музее естественной истории в Лондоне есть кальмар длиной девять метров. И считается, что это *некрупный* экземпляр.

– Нифига себе, – выдохнула Грейси. Илай снова кивнул.

– А вот и фи́га.

На этот раз Грейси рассмеялась в открытую.

– погоди, – сказала она. – Пойду возьму себе мороженого. Никуда не уходи.

И он не ушел.

Тем летом у Грейси выработался весьма своеобразный распорядок дня. По утрам она «работала» в сувенирном, переставляя безделушки в витрине и провожая редких покупателей к кассе. А в полдень встречалась с Илаем, и они вместе шли в библиотеку или ехали на велосипедах в ее бухту, хотя он и считал, что чудовище вряд ли снова там появится.

– С чего бы ему сюда возвращаться? – сказал он, пока они сидели, уставившись на сверкающую под солнцем воду.

– Ну один-то раз оно уже появилось. Может, ему нравятся тенистые места.

– А может, оно просто мимо проплывало.

Большую часть времени они обсуждали Иджи-Пиджи. Во всяком случае, именно с него начинались все их разговоры.

– Может, ты просто рыбу видела, – сказал Илай, когда они листали книгу о североамериканских мифах, сидя под зонтиком в закусочной «Роттис Ред Хот».

– Слишком крупное оно для рыбы.

– Карпы иногда вырастают до двадцати килограммов.

Она покачала головой.

– Нет. Чешуя была другая. – Как драгоценные камни. Как раковины жемчужниц. Как облака над водой.

¹ Огопого – чудовище из индейских легенд, которое живет в канадском озере.

– Знаешь, в каждой культуре есть своя мегафауна. В Бразилии вот видели гигантскую синюю ворону.

– Никакая это была не ворона. А «мегафауна» похоже на название рок-группы.

– Дурацкая, должно быть, группа.

– А я бы вот послушала, – Грейси покачала головой. – Почему ты так странно ешь?

Илай помедлил.

– В каком смысле странно?

– Как будто собираешься писать сочинение по каждому кусочку. Ты чизбургер ешь, а не бомбу обезвреживаешь.

Но Илай все делал так – медленно, вдумчиво. Точно так же он ездил на велосипеде. Делал записи в своем синем блокноте на пружинке. Целую вечность раздумывал, что заказать в «Роттис Ред Хот», хотя в меню было всего пять позиций, которые никогда не менялись. Это определенно выглядело странно, и Грейси радовалась, что ее школьные друзья большую часть лета проводят в Грейтер-Спиндл, так что ей никому не нужно ничего объяснять. Но в то же время было что-то милое в том, как серьезно Илай ко всему относился. Любому делу он посвящал все свое внимание.

Они составили список случаев, когда люди видели Иджи-Пиджи. За всю историю города, с 1920-х годов, их набралось меньше двадцати.

– Надо сопоставить их со случаями, когда видели Лохнесское чудовище и огопого, – сказал Илай. – Проверить, есть ли закономерность. Тогда можно будет установить, когда нужно следить за озером.

– Следить, – повторила Грейси, рисуя морского змея на полях тетрадки Илая. – Как полицейские. Надо задать периметр.

– Это еще зачем?

– Ну, так копы в кино делают. Задать периметр. Оцепить территорию.

– Я телевизор не смотрю, забыла? – Родители Илая запрещали любые устройства с экранами. В библиотеке он пользовался компьютером, но дома у него не было ни интернета, ни мобильного телефона, ни телевизора. Судя по всему, они к тому же были вегетарианцами, так что, оставаясь без присмотра, Илай старался съесть столько мяса, сколько влезет. Из овощей он употреблял разве что картошку фри.

Грейси иногда задумывалась – может, он бедный, но не в том смысле, как она? Денег на игровые автоматы и лакомства у него всегда хватало, но при этом он всегда ходил в одной и той же одежде и был вечно голоден. Люди при деньгах в Литтл-Спиндл отдыхать не ездили. С другой стороны, люди совсем без денег отдыхать не ездили вообще. Грейси была не уверена, что хочет знать ответ. Ей нравилось, что они не говорят про родителей и школу.

Она взяла блокнот Илая и спросила:

– Как мы можем вести слежку, если ты не знаешь полицейского протокола?

– Не важно. Лучшие сыщики – в книгах.

– Типа Шерлока Холмса?

– Конан Дойл, на мой вкус, суховат. Мне нравятся Рэймонд Карвер, Росс Макдональд, Уолтер Мосли. Я прочитал все их книги, когда увлекался нуаром.

Грейси нарисовала пузырьки из носа Иджи-Пиджи.

– Илай, – заговорила она, не глядя на него, – ты веришь, что я что-то видела в озере?

– Возможно.

Она продолжила:

– Или ты просто подыгрываешь мне, чтобы тебе было с кем общаться?

Илай склонил голову набок, стараясь найти честный ответ, будто решал уравнение.

– Отчасти и это, – сказал он наконец.

Грейси кивнула. Ей нравилось, что он не притворяется.

– Это меня не смущает, – она вылезла из-за стола. – Ну что ж, ты будешь старым опытным копом-алкоголиком, а я – крутым новичком.

– Можно я буду носить дешевый костюм?

– А он у тебя есть?

– Нет.

– Тогда можешь носить те же дурацкие шорты, в которых ты всегда ходишь.

Они объездили на велосипедах все места, где когда-либо видели Иджи-Пиджи, добравшись до самого Грейтер-Спиндл. В некоторых местах было солнечно, в некоторых – тенисто. Одни были рядом с пляжами, другие – у скал. Никакой закономерности выявить не удавалось. Когда им надоело обсуждать Иджи-Пиджи, они отправлялись играть в скибол² или мини-гольф. Илай не умел ни того, ни другого, но, казалось, был совершенно не против регулярно проигрывать Грейси и тщательно записывать свои позорные результаты.

В пятницу перед Днем труда они перекусывали у библиотеки сэндвичами с помидорами и холодной кукурузой в початках, которую мама Грейси готовила пару дней назад. На столике для пикника была разложена карта США и Канады. Солнце безжалостно пекло в спину, и Грейси было жарко и скучно. Ей хотелось пойти на озеро и в кои-то веки просто поплавать, а не искать Иджи-Пиджи, но Илай утверждал, что еще слишком жарко, чтобы куда-то идти.

– А где-то ведь наверняка сегодня барбекю, – сказала она, разлегшись на скамейке и ковыряя ногами иссохшую траву под столом. – Ты правда хочешь провести последнюю пятницу каникул в городе, уставившись в карты?

– Да, – ответил он. – Правда.

Грейси вдруг заметила, что улыбается. Ее мама, судя по всему, стремилась проводить все свободное время в обществе Эрика. Моузи и Лайла жили в соседних домах и были лучшими подругами с пяти лет. Приятно было хоть раз встретить человека, который предпочитал проводить время с ней, пусть это и Илай Кадди.

Она заслонила глаза от солнца.

– А почитать что-нибудь есть?

– Я сдал все книги.

– Почитай мне названия с карты.

– Зачем?

– Плавать ты не хочешь, а я люблю, когда мне читают вслух.

Илай откашлялся.

– Бергхайм. Фердейл. Саскатун... – Вместе эти названия почти складывались в рассказ.

Грейси подумала было позвать Илая с собой на прощальный летний фейерверк на пляже Онека, куда она собиралась с Лайлой и Моузи, но не совсем понимала, как объяснить, почему проводит с ним столько времени, и к тому же она собиралась остаться ночевать у Моузи. Ей хотелось быть в курсе новостей, когда начнутся занятия. Это была инвестиция в предстоящий учебный год. Но когда наступил понедельник, а Илай не появился на главной дороге или у «Дэйри Квин», она почувствовала какую-то пустоту.

– Уехал твой приятель? – спросила Анна-Ли, пока Грейси лениво ковырялась в своем мороженом. Она решила попробовать вишневую глазурь, и она оказалась ровно такой же мерзкой, как ей помнилось.

– Илай? Ага. Вернулся в город.

– Он вроде ничего парень, – сказала Анна-Ли, забрала у Грейси стаканчик от мороженого и выбросила его в мусорное ведро.

– Мама приглашает вас на ужин в пятницу вечером, – сказала Грейси.

² Игра на специальном столе, нечто среднее между бильярдом и боулингом.

Но она готова была признать, что Илай Кадди, возможно, даже лучше, чем просто «ничего».

В мае следующего года, как раз накануне Дня памяти, Грейси отправилась в свою бухту на озере. В течение учебного года она не раз там бывала. Она делала там домашние задания, пока не стало слишком холодно сидеть на одном месте, а потом, с наступлением зимы, наблюдала, как на кромке воды образуется лед. Чуть не рухнула в обморок от страха, когда черная береза подломилась под весом обледеневших веток и с тяжким стоном упала в воду. И в ту последнюю майскую пятницу она хотела непременно прийти на берег и снова побросать камушки в воду на случай, если в этом дне была какая-то тайная магия или если у Иджи-Пиджи были встроенные часы. Но ничего не произошло.

Грейси зашла в сувенирную лавку, но она уже была там накануне, помогала Хенни подготовиться к летнему сезону, так что никакой работы для нее не нашлось, и в итоге она оказалась в «Дэйри Квин» и заказала картошку фри спиральками, которую не очень-то и хотела.

– Ждешь своего приятеля? – спросила Анна-Ли, листая газету в поисках кроссворда.

– Да нет, просто картошку ем.

При виде Илая Грейси охватило стыдноватое чувство облегчения. Он стал выше, и намного, но был все такой же тощий, серьезный и какой-то мокрый на вид. Грейси не двинулась с места, но внутри у нее все перевернулось. А вдруг он не захочет снова с ней общаться? «Ну и ладно», – сказала она себе. Но он оглядел зал еще до того, как подошел к стойке, и при виде нее его бледное лицо засветилось.

Анна-Ли фыркнула с подозрительно понимающим видом.

– Привет! – воскликнул Илай, подходя к Грейси. Казалось, ноги у него росли от самого подбородка. – Я нашел кое-что потрясающее! Хочешь мороженого?

И с этих слов снова началось лето.

Чешуя

Кое-чем потрясающим оказалась пыльная комната в подвале библиотеки, заваленная старыми виниловыми пластинками, проигрывателями и кучей наушников, уютно устроившихся в гнезде из спутанных черных проводов.

– Я так рад, что все на месте, – сказал Илай. – Я нашел это место перед самым Днем труда и боялся, что за зиму кто-нибудь соберется все здесь разобрать.

Грейси кольнуло чувство вины за то, что она не провела с Илаем те последние выходные лета, но в то же время ей было приятно, что он ждал, когда сможет показать ей это место.

– А оно вообще работает? – спросила она, показав на грудку стереотехники.

Илай покрутил выключатели, и загорелись красные огоньки.

– Есть контакт!

Грейси наугад вытащила с полки пластинку и прочла название: «Джеки Глисон: Музыка, картины и воспоминания».

– А что, если меня из этого интересует только музыка?

– Тогда послушаем только треть.

Они принялись складывать в стопку пластинки, стараясь отыскать самые причудливые обложки: летающие тостеры, люди в огне, принцессы-варвары в металлических бикини. Они послушали их все, лежа на полу в гигантских черных наушниках. Большинство песен были ужасны, но пара альбомов оказались очень даже ничего. На обложке альбома «Белла Донна» была изображена Стиви Никс в образе ангелочка с елочного наконечника и с какаду в руках, но они прослушали всю пластинку два раза подряд. Когда заиграла песня «Рубеж 17 лет», Грейси

представила себя вылетающей из озера в длинном белом платье, с волосами, развевающимися на ветру будто черный флаг.

Только уже на пути домой, чувствуя, как в животе урчит от голода, и напевая одну из услышанных песенок, Грейси вдруг сообразила, что они с Илаем еще ни разу не упомянули Иджи-Пиджи.

Грейси не то чтобы скрывала Илая от Моузи и Лайлы, но и не рассказывала про него. Просто не была уверена, что они поймут. Но однажды, когда они с Илаем сидели в «Роттис Ред Хот», с парковки раздался звук клаксона, и, оглянувшись, Грейси увидела Моузи за рулем отцовской «Короллы». Лайла сидела рядом на пассажирском сиденье.

– У тебя разве не ученические права? – спросила Грейси, когда Моузи и Лайла втиснулись за их столик.

– Родители не против, если я езжу только до Литтл-Спиндл. Так им хотя бы не приходится меня возить. А где это ты все время пропадаешь? – Моузи кинула многозначительный взгляд на Илая.

– Да нигде. Сувенирный, то да се, как обычно.

Илай ничего не сказал, продолжая аккуратно выдавливать кетчуп в кособокую башенку рядом со своей картошкой фри.

Они ели и обсуждали, не отправиться ли на поезде в город, чтобы сходить на концерт.

– А почему твоя семья проводит лето не в Грейтер-Спиндл?

Илай склонил голову набок, всерьез задумавшись над этим вопросом.

– Да мы как-то всегда сюда ездили. Думаю, им нравится, что тут тихо.

– Мне тоже тут нравится, – сказала Лайла. – Озеро так себе, но летом, когда в Грейтер-Спиндл сплошная суета, тут очень приятно.

Моузи закинула в рот ломтик картошки.

– В этом озере нечистая сила водится.

– Какая такая нечистая сила? – спросил Илай, подавшись вперед.

– Какая-то женщина утопила там своих детей.

Лайла закатила глаза.

– Это чушь собачья!

– А, Ла Йорона! – сказал Илай. – Плакальщица. Такие легенды везде есть.

«Ну отлично, – подумала Грейси. – Теперь будем все вместе охотиться за привидениями».

Она попыталась отделаться от щемящего чувства в животе. Убеждала себя, что не хочет знакомить Илая с Моузи и Лайлой, потому что он такой странный, но теперь уже не была в этом уверена. Она обожала Моузи и Лайлу, но всегда чувствовала себя рядом с ними немного одинокой, даже когда они втроем сидели у костра или шушукались на последнем ряду в кино. Ей не хотелось так же чувствовать себя рядом с Илаем.

Когда Моузи и Лайла отправились домой, Илай собрал их пластиковую посуду на поднос и сказал:

– Весело было!

– Ага! – согласилась Грейси с несколько наигранным энтузиазмом.

– Давай завтра поедem на великах в Робин-Ридж?

– Все вместе?

Илай нахмурил брови.

– Ну да, – сказал он. – Ты и я.

Все вместе.

Зубы

Грейси не смогла бы назвать момент, когда Илай перестал казаться мокрым, но точно помнила, когда она это заметила. Они лежали на полу в комнате Моузи, а по окнам барабанил дождь.

В то лето Грейси получила права, и бойфренд ее мамы охотно одалживал ей свой пикап, чтобы она могла ездить в Грейтер-Спиндл. А вот раздобыть деньги на бензин было уже сложнее. В Грейтер-Спиндл можно было найти работу получше, но не факт, что она бы состыковалась с маминым расписанием в больнице, так что Грейси продолжала работать в сувенирном, куда можно было доехать на велосипеде.

Литтл-Спиндл сдавливал ее со всех сторон, будто она стояла на узком берегу во время прилива и вода подступала все ближе. Все вокруг обсуждали экзамены, анкеты для колледжей и летние стажировки. Время как будто ускорялось, и все набирали скорость, готовясь стремглав устремиться в будущее по тщательно спланированной траектории, а Грейси никак не могла сообразить, что ей делать дальше.

Когда на нее нападали эти панические мысли, она шла за Илаем в «Дэйри Квин» или в библиотеку, и они вместе отправлялись в зал пластинок, выкладывали в ряд все альбомы Дэвида Боуи, рассматривая его загадочное лицо с тонкими чертами, или слушали «Рождество выдры Эммета», параллельно пытаясь разгадать все тайные знаки на обложке «Сержанта Пепера». Грейси понятия не имела, что будет делать, когда начнется новый учебный год.

Они доехали до Грейтер-Спиндл на машине Эрика без особых планов, с включенным радио и с открытыми окнами – чтобы сэкономить на кондиционере. А когда началась гроза, они устроились у Моузи, чтобы посмотреть кино.

Лайла и Моузи сидели на кровати, красили ногти на ногах и ставили друг другу разные песни, а Грейси растянулась на ковре рядом с Илаем, который читал вслух какую-то скучную книжку про водоемы. Грейси слушала не особенно внимательно. Она лежала на животе, опершись головой на руки, слушала стук дождя по крыше и негромкий голос Илая, и впервые за долгое время чувствовала себя сносно – как будто кто-то забрал жгучий узел беспокойства, который она в последнее время постоянно таскала под ребрами, и опустил его в холодную воду.

Гром грохотал почти бесперебойно, а воздух на улице казался плотным и наэлектризованным. В доме работал кондиционер, и у Грейси руки покрылись мурашками, но ей было лень вставать, чтобы его выключить или попросить свитер.

– Грейси, – позвал Илай, тронув ее за плечо босой ногой.

– А?

– Грейси, – она услышала, как он двигается, и в следующий раз он заговорил уже ей на ухо, шепотом: – У этой твоей бухты нет названия.

– И что?

– У всех самых крошечных пляжей и заливов есть названия, а у твоей бухты нет.

– Ну так давай ее как-нибудь назовем, – предложила она.

– Каменный полумесяц?

Она перевернулась на спину и посмотрела на желтые звезды, которыми был облеплен потолок Моузи.

– Ужас. Похоже на название жилого комплекса или какой-нибудь булки. Может, Архипелаг Грейси?

– Это не архипелаг.

– Тогда нужно что-нибудь красивое. Что-то, связанное с Иджи-Пиджи. Бухта драконьей чешуи? Змеиная бухта?

– Но она по форме не похожа на змею.

- Бухта звериной пасти?
- Звериная пасть? Ты хочешь отпугивать людей?
- Ну а то! Может, бухта Горбунка?
- Горбунок – это конек.
- Серебристая чешуйка? Нужно что-то свистящее.
- Типа Чешуйчатой лощины?
- Вот, то что надо!
- Только это никакая не лощина.

– Можем назвать ее «Последнее пристанище Илая», потому что однажды я тебя там утоплю. С тобой просто невозможно. – Она перевернулась обратно на живот и посмотрела на него. Он лежал, опершись на локти, а перед ним лежала раскрытая книга. У нее возникла еще одна идея, но тут же ускользнула, как рыбка, сорвавшаяся с крючка.

Моузи и Лайла о чем-то шептались, у Лайлы в телефоне играла музыка. Футболка Илая туго натянулась у него на плечах, а волосы в свете прикроватной лампы светились, как нимб. От него пахло грозой, будто молния влетела за ним в дом, будто он сплошь состоял из густых грозовых туч. И кожа его не казалась мокрой. Она будто сияла. Он держал один палец на стра-нице, отмечая место, где закончил читать, и Грейси вдруг захотелось провести пальцами по его руке, по запястью, по тоненьким светлым волоскам на предплечье. Она слегка отодвинулась, стараясь отогнать эти мысли.

Илай выжидающе смотрел на нее.

– Название должно быть точным, – сказал он с серьезным и решительным видом. Ему очень шло это выражение лица: подбородок напряженно выпячен, брови сосредоточенно нахмурены.

Грейси сказала первое, что пришло ей в голову.

– Давай назовем бухту Шлеп.

– Почему?

– Потому что такой звук бывает, когда бросаешь в воду камушки.

Глупость сказала?

Он кивнул, рассматривая это предложение, а потом вдруг расплылся в глупой, беспечной, невозможно красивой улыбке.

– То, что надо!

Дорога домой была сущим мучением: прохладный ветерок дул в открытые окна, тихо играло радио, а в груди Грейси отбивало незнакомый ритм это странное непрошеное чувство. Темная дорога расстилалась перед ними, как моток ленты. Ей хотелось скорее оказаться дома и в то же время, чтобы эта поездка длилась вечно.

Преображение Илая казалось предательством, мошеннической уловкой. Грейси считала, что Илай Кадди совершенно безобиден, и вдруг он стал казаться ей опасным. Она стала раз-мышлять, на кого бы переключить свое внимание. В девятом классе она была влюблена в Мэй-сона Ли и потащила Лайлу на пляж Окена, где он работал спасателем, в надежде, что при виде него к ней вернется рассудок. Но к сожалению, в Мэйсоне примечательным было только то, как он выглядел без рубашки. Все равно что золотистый ретривер: понятно, что симпатичный, но это еще не значит, что ей хотелось бы забрать его себе.

По утрам перед встречей с Илаем Грейси вдруг стала замирать от предвкушения. Она купила новую блузку сочного цвета занимающейся зари, тоненькие серебряные сережки в форме перышек и блеск для губ с запахом яблоневого цвета, который казался волшебным сна-добьем в розово-золотистой баночке и делал губы какими-то неземными на ощупь. «Посмотри же на меня! Посмотри так, как я смотрю на тебя».

Грейси знала, что ведет себя глупо. Если Илай и относился к ней не просто как к другу, он никогда ничем этого не выдавал. Возможно, у него даже была девушка в городе, которой он

писал длинные письма и с которой целовался на переменах. Он об этом никогда не упоминал, но ведь она никогда и не спрашивала. Раньше это как-то не имело значения. Ей хотелось, чтобы это не имело значения и сейчас.

Лето стало совсем другим: мучительной и нервной чередой взлетов и падений. Стало казаться, что мир полон роковых случайностей. В любой песне с любой пластинки Грейси слышались предзнаменования. Она заметила за собой, что пытается передать что-то через выбранные пластинки и ищет скрытые смыслы в тех, что выбирает он. Она заставляла себя проводить больше времени с Моузи и Лайлой, подолгу застревала в сувенирном, протирая и без того чистые безделушки, в попытке побороть эту новую жажду общения с Илаем. Но была ли она новой? Ведь с самого начала время, проведенное с Илаем, казалось ей теплыми песчаными островками, которые помогали ей проплыть через неприветливые воды остальной части года.

Она разрывалась между желанием что-то сказать, выразить свои чувства до конца лета, и убеждением, что этого катастрофического шага нужно избежать любой ценой. Впервые в жизни она отсчитывала дни до сентября. Если только ей удастся дожить до Дня труда, не позволив своим чувствам выплеснуться наружу, у нее будет целый учебный год, чтобы преодолеть это проклятое наваждение.

В субботу перед Днем труда Грейси и Илай смотрели прощальный салют над Грейтер-Спиндл. Они сидели рядом на капоте машины, почти соприкасаясь коленями и плечами.

– Жалко, у тебя нет телефона, – вдруг выпалила она.

– Ага. Отчасти.

– Только отчасти?

– Мне нравится весь год копить вещи, которые можно будет тебе рассказать.

«Этого должно быть достаточно, – убеждала себя Грейси, наблюдая за тем, как на его лице пляшут отблески синего и серебристого света. – Этого должно быть более чем достаточно».

Ей стало легче. Она скучала по лету, скучала по Илаю, но жить без ежедневного ожидания встречи с ним было проще. Она пошла на выпускной с Недом Миннери. Он был большой шутник и играл на трубе. Обожал розыгрыши. Носил подтяжки и полосатые штаны и показывал фокусы. Просто анти-Илай. В нем не было ни капли серьезности. Вечер вышел веселый, но Грейси начинало казаться, что веселье – не по ее части.

Она выпила достаточно персиковых шнапсов, чтобы заставить себя поцеловать Неда, после чего ее стошнило на обочине.

Ко Дню памяти она решила, что готова встретиться с Илаем, но не позволила себе пойти в «Дэйри Квин». Нельзя было допустить, чтобы это лето стало таким же. Просто нельзя. Она поехала на пляж Окена, расположилась на песочке вместе с Моузи и Лайлой и сидела там до тех пор, пока не село солнце и не развели костер. Когда кто-то достал гитару, она нашла себе место за столиком для пикника подальше от общей шумихи и уселась на скамейке с босыми ногами, закутавшись в свитер и подрагивая от холода. «Со мной все в порядке, – говорила она себе, готовясь с минуты на минуту присоединиться к остальным у костра. – Я в порядке». Но как только она увидела Илая, приближающегося к ней своим широким размашистым шагом, с подсвеченными костром волосами и с дурацким рюкзаком, все прошедшие месяцы тяжелой работы над собой испарились, словно их и не было. Как он вообще добрался до Грейтер-Спиндл? Родители теперь разрешают ему брать машину? У нее в душе занялось пламя, будто бы дожидавшееся теплой погоды, чтобы разгореться в полную силу.

Он уселся рядом и сказал:

– Ты не поверишь, что я узнал сегодня. В зале пластинок есть целая коллекция аудиокниг, помимо рождественских сборников. Это потрясающе.

Грейси заставила себя рассмеяться.

– Жду с нетерпением. – «Ты скучал по мне? Ты целовал кого-то еще? Я – да, и это было ужасно».

Она просто не могла больше этого выносить. Она не могла провести еще одно лето вот так. Это свело бы ее с ума. Надо придумать какую-нибудь отговорку – срочные дела в сувенирном, эпидемия холеры, что угодно. Она достала из кармана баночку с яблочным блеском для губ. Там уже почти ничего не осталось, но она так и не собралась купить еще. Слишком стыдно было вспоминать, о чем она позволяла себе думать, когда его покупала.

Илай выхватил баночку у нее из рук и швырнул в темноту, в озеро.

– Эй! – возмутилась Грейси. – Ты чего?

Он глубоко вздохнул. Его плечи вздымались и опускались.

– Я и так провел последние девять месяцев в мыслях о яблоках.

Тишина накрыла их словно спущенный занавес. Грейси слышала, как вдалеке переговариваются люди, как кто-то лениво перебирает струны гитары, но это было как будто в другой стране, на другой планете. Илай Кадди смотрел на нее со своей вечной сосредоточенностью, его голубые глаза в свете костра казались почти черными. Безнадежное чувство, жившее внутри нее, расправило крылья, готовое воспарить ввысь.

Длинные пальцы Илая коснулись ее лица, скользнули по затылку, заставив ее замереть. Казалось, он пытался сосредоточить на ней все свое внимание, изучить ее, как иностранный язык, распланировать, как меню. Илай целовал Грейси, как будто она была песней, и он был решительно намерен расслышать каждую ноту. Он целовал ее так, как делал вообще все: очень вдумчиво.

Вот теперь лето наконец созрело и округлилось, как спелый фрукт, как желтое, толстое и счастливое солнце, выкатывающееся из моря. Они целовались за сувенирной лавкой, на красных плюшевых сиденьях в кинотеатре, на полу зала пластинок, где висящие у них на шеях наушники заполнялись тихим шуршанием, когда заканчивалась очередная песня.

– Можем пойти к тебе, – предложила она.

– Или к тебе.

Они не двинулись с места.

Днем, когда они выходили из «Дэйри Квин», губы Илая были холодными и с привкусом вишни. Безмятежными вечерами, когда они лежали на берегу бухты Шлеп, его руки были теплыми и неугомонными. Грейси парила в своих сандалиях. Ей казалось, что она увешана брильянтами. Ее велосипед превратился в крылатого пегаса.

Но где-то в конце июля Грейси стали слышаться печальные нотки в монотонном жужжании насекомых. Хотя стояла жара, ноги у нее обгорели, а главная дорога по-прежнему была залита светом неоновых огней, она чувствовала, что лето покатилося к концу.

По ночам она слышала, как мама с Эриком смеются в гостиной под шум телевизора, сворачивалась клубочком, и тогда подступала паника. С Илаем она забывала, что ей семнадцать. Забывала про Литтл-Спиндл и про то, что ей делать дальше. Повторить историю своей мамы, если повезет. Взять кредит на машину, чтобы ездить в муниципальный колледж. Смотреть, как одноклассники разъезжаются в новые интересные места. Как жалко, что у Илая нет телефона.

Ей хотелось дотянуться до него в обступающей темноте. «Можно писать друг другу письма. Я могла бы ездить на поезде в Нью-Йорк по выходным». По ночам она размышляла обо всем этом, но днем, встречая сияющего на солнце Илая, она хотела лишь одного: целовать его ненасытные губы.

Дни и ночи растворялись, и лишь в субботу накануне Дня труда Грейси решила сказать:

– Моузи думает поступать в Нью-йоркский университет.

Илай откинулся назад, опираясь на локти. Они лежали на пледе в бухте Шлеп, а над ними звездообразными отсветами сияло солнце в просветах между ветвями дубов и берез.

– А она сможет поступить?

– Возможно. Она довольно умная. – Илай ничего не сказал, и Грейси добавила: – Было бы здорово работать в городе.

Илай нахмурил брови.

– Конечно, – сказал он. – Хотя это большие перемены.

«Не говори ничего, – убеждала она себя. – Оставь эту тему». Но грабли лежали прямо перед ней, и не наступить на них было невозможно.

– Ты хочешь, чтобы я переехала в город?

Илай выпрямился и бросил камушек в озеро.

– Поезжай, куда тебе хочется.

Боль в ее груди казалась живым существом, хищным растением из научно-фантастического фильма, с извивающимися усиками и ядовитыми щупальцами.

– Конечно, – небрежно бросила она.

В том, что он сказал, не было ничего плохого. Ведь это всего лишь летний роман. К тому же он прав. Она должна ехать туда, куда захочет. Ей не нужно, чтобы Илай ждал ее переезда в город. Можно ночевать на диване у Моузи, пока не найдется работа. В общежитиях ведь есть диваны?

– Грейси, – сказал Илай, потянувшись за ее рукой.

Она подскочила на ноги.

– Мне надо встретиться с Моузи и Лайлой.

Он тоже встал. Солнце липло к его волосам и коже, такое яркое, что больно смотреть.

– Давай встретимся завтра пораньше, – предложил он. – У меня остался всего один день.

– Ага.

Она подхватила сумку и вскочила на велосипед, решительно собираясь уехать от него раньше, чем ее гордость выплеснется наружу и потечет по ее лицу горячими слезами. Она крутила педали изо всех сил, опасаясь, что он поедет за ней. Отчаянно надеясь на это.

На следующий день она не пошла на работу. Не то чтобы это было сознательное решение. Она просто позволила минутам утекать сквозь пальцы. К ней домой Илай не пойдет. Он ни разу не был у нее в комнате, не смотрел телевизор на диване в ее гостиной – просто торчал перед домом со своим велосипедом, пока Грейси забежала домой, чтобы взять свитер или переобуться. А она даже ни разу не видела его родителей. Потому что все это – реальная жизнь, а у них было что-то совсем другое.

«Не дури, – убеждала она себя. – Он уедет через два дня. Наслаждайся, пока можно. Развлекайся». Но Грейси не очень-то умела развлекаться – во всяком случае, так, как это делали другие. Человеку, который ей нравится, она нравится недостаточно, чтобы он хотел с ней чего-то большего, и она не могла притворяться, что это ее не ранит. Она была для него все равно что мороженое в вишневой глазури, старые книжки и пластинки на пыльных книгах – все это интересовало Илая и, может быть, даже действительно нравилось ему, но это всего лишь летнее увлечение, которое забудется, как только сменится погода.

Она читала. Смотрела телевизор. А потом выходные закончились, и она знала, что Илай уехал. И ничего страшного. Следующим летом она не будет дожидаться его в «Дэйри Квин» или в сувенирном. Она окончит школу и уедет в Нью-Йорк, в Канаду или еще куда-нибудь. Но в Литтл-Спиндл ее больше не будет.

Хвост

Спустя неделю после начала занятий Грейси пошла к Анна-Ли. Она и не собиралась туда идти, но каким-то образом все равно оказалась под флуоресцентными лампами в «Дэйри Квин».

Она не стала ничего заказывать. Есть не хотелось. Она уселась на диванчик и спросила:
– Что мне сделать, чтобы стало лучше? Чтобы не было так больно?

Анна-Ли отложила свой кроссворд.

– Надо попрощаться.

– Слишком поздно. Он уехал.

– Иногда все равно помогает сказать «прощай».

– А вы можете мне сказать... он чувствовал то же, что и я?

– Ах, цигеле... – Анна-Ли легонько постучала своей ручкой по ладони Грейси. Некоторые из нас носят свое сердце на виду, а некоторые в укромном месте.

Грейси вздохнула. Неужели она правда рассчитывала, что Анна-Ли сможет ей помочь? В этом городе полно выдуманных чудищ, фальшивых ведьм и историй, в которых нет ни слова правды.

Хотя погода стояла теплая, главная улица уже опустела, а когда она свернула на узкую тропинку, которая вела к ее бухточке, ей показалось, что лес будто держит последний печальный дозор этого лета. Ее кольнуло чувство вины. Раньше, до Илая, эта бухта была безымянной и принадлежала только ей. «Где ты пропадала?» – шептали сосновые иголки.

Она прислонила велосипед к дереву на полянке и пошла к берегу. Это место больше не казалось заповедным. Моузи ведь что-то говорила про нечистую силу? Бухта казалась полной призраков, которой ей хотелось изгнать. У нее было столько хороших воспоминаний об Илае. Неужели придется изгнать и их?

И вдруг Грейси услышала звук: протяжный тихий вздох, который мог быть и дуновением ветра. И следом за ним еще один. Она посмотрела на затененную кромку берега. На мелководье лежало тело.

Она не помнила, как двигалась: в одно мгновение она еще стояла потрясенная на берегу, а в следующее уже оказалась на коленях в воде.

– Илай! – воскликнула она. – Ты вернулся! Что случилось? Что с тобой? – Он был бледный почти до синевы, на коже проступали вены.

– Не надо было ждать. Мне отведено три месяца. Таковы правила.

– Какие еще правила?

– Я хотел попрощаться.

– Илай!

– Я повел себя эгоистично. Я не хотел, чтобы ты переехала в город. Я хотел ждать возможности снова увидеть тебя. Прости меня. Мне так жаль, Грейси. Зимы такие длинные.

– Илай, у меня с собой телефон. Я могу позвонить...

– Теперь я умираю, так что я могу сказать тебе...

– Ты не умираешь! – закричала Грейси. – У тебя обезвоживание или переохлаждение, – но, сказав это, она вдруг заметила, что вода теплее, чем должна быть.

– Это был я в тот день. Ты кидала в воду камушки. Ковыряла коленку. Я видел тебя всего секунду. Это был последний день мая, – его веки трепетали, то закрываясь, то открываясь. – Не надо было тебя целовать, но мне так давно этого хотелось. Это лучше, чем мороженое. Лучше, чем книги.

Тут она заплакала.

– Илай, пожалуйста, позволь мне...

– Уже слишком поздно.

– Кто это сказал? Кто?

Он едва заметно пожал плечами, содрогнувшись.

– Озеро. Мне отведено три месяца на суше. Но потом я всегда должен возвращаться туда.

В памяти Грейси живо возник тот день у озера, чудище в воде. Этого просто не может быть.

– Там, под водой, нет книг, – сказал он. – Нет слов, нет языка.

Нет «Дэйри Квин», велосипедов и музыки. Этого просто не может быть. Грейси моргнула, и очертания Илая вдруг стали расплываться. Он был отчасти человеком, отчасти чем-то еще. Она вспомнила, как Анна-Ли постучала ручкой по ее руке. «Некоторые из нас носят свое сердце на виду, а некоторые прячут в укромном месте».

Грейси оглядела пляж, заросли кустарника на краю леса. Вот он, темный бугорок в куче листья. Она никогда не видела Илая без него, без этого уродливого фиолетового рюкзака. И в этот момент она все поняла.

Девушка бросилась за рюкзаком, упала, поднялась на ноги, схватила рюкзак и расстегнула молнию. Его нутро разверзлось перед ней как пасть. Там была куча всякого хлама: билеты на скиболл, карточки со счетом игр в гольф, розово-золотистая баночка блеска для губ. Но на самом дне сияло нечто, как скрытая за облаками луна...

Она достала из рюкзака длинную шуршащую мантию из чешуи, которая казалась бесконечной. Она была блестящая и колючая на ощупь, и на удивление тяжелая. Она потащила чешую к Илаю, волоча ее за собой по земле, спотыкаясь на мелководе. Она притянула его к себе и завернула в чешую.

– Вот, – всхлипывала она. – Держи.

– Три месяца, – сказал он. – Не больше.

– Но ведь ты пробыл здесь всего на несколько дней дольше.

– Уезжай из Литтл-Спиндл, Грейси. Освободись от этого места.

– Нет! – воскликнула она, обращаясь не то к озеру, не то в пустоту. – Мы можем договориться!

Илай схватил ее за запястье.

– Перестань.

– Забери и меня!

– Грейси, не надо.

Вода билась об ее ноги своим особым медленным пульсом, теплая, как кровь, как утроба. Она вдруг поняла, что делать. Она завернулась в чешую вместе с Илаем, не обращая внимание на то, что чешуйки царапают ее руки, а в воду капает кровь.

– Забери и меня, – прошептала она.

– Слишком поздно, – сказал Илай. Он лежал с закрытыми глазами и улыбался. – Но это того стоило.

И вдруг рука, держащее ее запястье, напряглась и отпрянула. Грейси смотрела, как она растягивается и удлиняется, превращаясь в острый как бритва коготь.

Глаза Илая распахнулись. До нее донесся запах дождевых туч, потом рокот грома, рев бурной реки. В ушах шумела вода, а тело Илая шевелилось, меняло очертания, поблескивало в тусклом свете. Он навис над ней мускулистым телом огромной змеи, со сверкающей белой чешуей, с драконьей головой и радужными плавниками, раскрывшимися над его спиной словно крылья.

– Илай, – хотела было сказать она, но звук, сорвавшийся с ее губ, был не похож на человеческий язык.

Она потянулась рукой к горлу, но руки у нее вдруг стали слишком короткими и какой-то неправильной формы. Она обернулась и почувствовала, что ее тело стало непривычно сильным. Она скользила по воде, а ее спина принимала странный изгиб.

Она увидела свое отражение в освещенной солнцем водной глади: серая чешуя, сверкающая радужными отблесками, плавники цвета сиреневых сумерек. Сияние звезд на фоне темнеющего неба. Она была чудовищна. Она была прекрасна.

И это была ее последняя человеческая мысль. Она нырнула в воду. Ее тело обвивалось вокруг кого-то. Кто же это был? Илай? В глубине ее разума эхом отзывалось другое имя, нечто более древнее и непроницаемое. Но это не имело значения. Она чувствовала прикосновение его чешуи, погружаясь в пучину озера, покоряясь власти течения. Вместе с ним.

Сердце

Когда велосипед Грейси нашли у сосны на берегу озера, Анна-Ли постаралась все объяснить ее матери. Но та, конечно, все равно вызвала полицию. В озеро даже послали водолазов. Поиски были бесплодны, хотя один из водолазов рассказывал, что его ноги коснулось нечто чересчур огромное для рыбы.

Каждое лето Грейси и Илай выходили на берег и проводили три идеальных месяца, с наслаждением ступая босыми ногами по траве и подставляя солнцу свои оголенные человеческие плечи. Каждое лето они выбирали новый город, но чаще всего ездили на Манхэттен, вместе с Анна-Ли и потрясенной мамой Грейси навещая пентхаус в Верхнем Ист-Сайде и изо всех сил стараясь не пялиться на прекрасную хозяйку с ее переливчатой, как ручей, кожей, и зелеными, как речная вода, глазами.

А с наступлением осени они отбрасывали свои имена и тела и путешествовали по водоемам всего мира. Озеро с трудом отпустило их. Оно грозило превратить их в камень и приковать к месту, но теперь их было двое, сияющих и мускулистых глубоководных чудищ, с могучими хвостами и сверкающими глазами. Их общая сила сокрушила и старые правила, и новые возражения. Они ускользнули по реке Мохок в Гудзон, проплыв мимо речного бога с его покатыми серыми плечами, и ринулись в Атлантический океан. Они встречали белых медведей в Арктике и пугали ламантинов вокруг архипелага Флорида-Кис. Свернувшись клубком, любовались на свечение медуз у берегов Австралии.

Иногда, завидев одинокого пассажира, облокотившегося на перила корабля, они позволяли себе показаться ему. Рассекая волны, они выныривали из-под воды, демонстрируя свои очертания в лунном свете, и одинокий странник замирал, разинув рот, и на миг забывал о своем одиночестве.

Нина Лакур **Конец любви**

Я не понимала, насколько рано пришла, пока не открыла дверь. Ряды пустых парт и стульев, полная тишина, и мистер Траут смотрит на меня с кафедры.

– Сколько лет, сколько зим, – говорит он. – Я получил записку, что ты будешь у меня вольным слушателем.

– Да. Хочу повторить пройденное.

– Зачем?

– Не знаю. На будущее?...

Он смеется.

– Мне этого говорить не положено, но все это вам в будущем не пригодится. Это нужно для школы. Это просто для галочки, а ты ее уже поставила. Причем идеально, если я правильно помню.

– Может, мне просто хочется почувствовать, что кое-что я умею очень хорошо. – Я захожу в класс и сажусь в первом ряду. – Может, мне просто нравится геометрия.

– Ну как скажешь, Флора. На вкус и цвет товарищей нет. Но за всю мою карьеру еще ни один ученик не проходил курс заново просто ради удовольствия. Да еще летом.

Он поворачивается к окну, из которого льется яркий утренний свет, словно доказывающий мою глупость. Но я смотрю на стопку учебников по геометрии на его столе, и, клянусь, от одного их вида у меня на душе становится теплее.

– Я могла бы их раздать, – предлагаю я.

– Конечно, – соглашается он.

Я кладу книги точно посередине каждой парты, вкладываю библиотечные карточки внутрь ярко-желтых учебников и мысленно благодарю Джессику за то, что она помогла мне это сделать. Была последняя неделя занятий, надо мной безжалостно нависала перспектива провести лето с родителями, а обе мои лучшие подруги уехали на все лето. (Рейчел работает в летнем лагере в Тахоме, Тара поехала с кузинами в Барселону.) Лето сгушалось надо мной как туман. Такая тяжесть.

– Чего ты хочешь? – спросила Джессика. Даже ее не будет здесь в каникулы. Ежедневные визиты в ее кабинет стали моей любимой частью школьной жизни. Я знала, что буду скучать по тому, как она соединяет кончики пальцев, задавая вопрос, и по растениям у нее на подоконнике, и даже по коробке с бумажными салфетками, которая стоит рядом со мной как намек, что пора расплакаться. Я сказала, что не знаю, чего хочу.

А потом добавила:

– Вообще-то я хотела бы посещать летние курсы. У меня был бы повод каждый день уходить из дома. И домашние задания, чтобы я могла сидеть у себя в комнате.

– Ну-ка, что там у нас в программе в этом году? – сказала Джессика, открывая ноутбук и глядя в расписание курсов. – Жалко, нет художественного или театрального кружка.

– А как насчет геометрии?

Джессика склонила голову набок:

– Ты разве ее не сдала?

– Я могла бы пройти заново.

Она застучала пальцами по клавиатуре.

– Тим, то есть мистер Траут, будет вести геометрию в кампусе Потреро.

Я улыбнулась. Так даже лучше. Он вел у меня геометрию в девятом классе. Именно он первым рассказал мне про оси и симметрию.

– Отлично! – сказала я, и она тут же записала меня к нему на занятия. С ней все вышло так просто, хотя ни один другой взрослый меня бы не понял.

Я закончила раздавать учебники, и мы с мистером Траутом некоторое время ведем светскую беседу. Наконец он говорит:

– Иди погуляй. Мне нужно подготовиться к первому уроку.

Я оставляю рюкзак за первой партой и выхожу в коридор. Пару недель в девятом классе я после школы ездила сюда на автобусе, чтобы потусоваться с Блейком в сквере у входа в кампус. У него была привычка стоять, приобняв меня. Мне нравилось быть загадочной девушкой из Бейкер-Хай. Ко мне подходили какие-то незнакомые ребята, спрашивали, не знаю ли я их кузенов, бывших и друзей. Я всегда отвечала «да», а Блейк обнимал меня за талию, и обычно мне это нравилось.

Тогда я так и не попала дальше сквера и теперь решила прогуляться по кампусу. Основные здания приземистые, выцветшего голубого цвета, а за ними возвышаются холмы, позолоченные летним солнцем. Я прогуливаюсь по окраине кампуса, вдоль баскетбольного поля, бассейна и административного крыла. Утро такое яркое, и я так рада возможности побыть здесь и выучить заново то, что я уже знаю. Дохожу до парковки. По лестнице к входу двигается группа ребят, и у меня перехватывает дыхание.

Они стали выше. Чуть более бесшабашными. Шумными. Трэвис останавливается и, прищурившись, смотрит на меня.

– Привет, – говорит Мими. Волосы у нее такой же длины, как раньше, только с одной стороны обрезаны покороче. Комбинезон застегнут только с правой стороны, левая лямка болтается. При виде нее мои щеки вспыхивают. – Ты же бывшая девушка Блейка.

Я с усилием смеюсь.

– Не думала, что тот месяц моей жизни навсегда определит мою репутацию.

Хоуп, милая, как всегда, восклицает:

– Флора, наконец-то мы снова встретились!

– Привет, ребята, – отвечаю я.

– Прощу, скажи, что ты на геометрию, – говорит Трэвис.

Я киваю, не в силах вымолвить ни слова. Учиться с ними в одном классе – последнее, что я представляла себе, собираясь на летние курсы. Выбирая предмет, я думала о фигурах и логике, об углах и числах, незнакомцах и анонимности. А не об этих троих, которых, я думала, больше никогда не увижу. Не об этой девушке, в чьем присутствии у меня звенит в ушах и трясутся руки. Пока мы поднимаемся по лестнице, как бы я ни старалась смотреть в другую сторону, мой взгляд неизбежно падает на голую кожу на бедре Мими, в просвете между комбинезоном и майкой.

В девятом классе, когда я тусовалась в той же компании с Блейком, я уже знала, что наши отношения долго не протянут. Хотя мне и нравилось, как он меня обнимал и как смотрел на меня. Хотя мне и нравилось быть его девушкой. Потому что уже тогда из глубин моего сердца всплывали кое-какие истины обо мне. И теперь, стоя в этом коридоре перед уроком, посещать который мне совершенно не обязательно, они всплывают снова. Потому что именно Мими Парк их и пробудила.

Тогда у нее в ушах всегда торчал хотя бы один наушник, и она часто смотрела вдаль, склонив голову набок так незаметно, что это мог заметить только тот, кто был бы совершенно ею очарован. Однажды она спросила меня, не слышала ли я какую-то песню. Я сказала, что нет, и она вынула правый наушник и аккуратно вставила его мне в ухо. Это была песня «Some

as You Are» Нирваны. Курт Кобейн был уже двадцать лет как мертв, и я слышала о нем, но никогда не слышала его музыку, а теперь он пел для нас обеих. Только для нас. Его голос звучал в ее левом ухе и моем правом. Мы прослушали всю песню, прямо при всех, и я улыбнулась и кивнула при первых же нотах, чтобы она не забрала у меня наушник, но после этого я не могла смотреть ей в лицо. Слишком много всего произошло, когда наши взгляды встретились. Я смотрела на свои «Конверсы» и обертку от жвачки, которая валялась рядом. На ее «Вансы» и желтый цветок, проросший сквозь бетон. Гитара звучала будто из-под воды. Текст был путанный и противоречивый, совсем как ощущения, когда стоишь в обнимку со своим парнем и слушаешь при этом музыку через одни наушники с девушкой, которую хочешь поцеловать.

Когда песня закончилась, она вытащила наушник из моего уха.

– Ну как тебе? – спросила она.

– Здорово, – ответила я.

И вот настало лето после одиннадцатого класса, и я вспоминаю, каково это, когда тебя выбрали из целой тусовки, чтобы вместе послушать песню. Вспоминаю, как я спросила ее, придет ли она на бал выпускников, а она сказала, что собирается в поход. Вспоминаю, как я плакала, когда рассталась с Блейком, и как жалела, что больше не будет этих послеполуденных часов в кампусе Портеро-Хай и этого всепоглощающего света, который заполнял меня всякий раз, как я видела Мими хотя бы издалека.

Мы подходим к кабинету. Они первыми переступают через порог и направляются к задним рядам. Если бы мой рюкзак еще висел у меня на плече, я бы пошла с ними и села сзади, но мои вещи лежат за первой партой. Там, где я их оставила. Пришлось бы идти через весь класс, собирать вещи, а потом идти обратно и проверять, осталась ли рядом с ними свободная парта. Не зная, нужна ли я им там – четвертый член команды, – я усаживаюсь там, где лежат мои вещи. Может, завтра все выйдет по-другому.

Мистер Траут стоит у доски. Я думала, ему нужно время, чтобы подготовиться к уроку, но вместо этого он нарисовал на доске гигантскую чешуйчатую рыбу. Когда все наконец посмотрели на него, он написал слово «мистер» прямо над рыбьим носом³.

– Добро пожаловать на летние курсы, – говорит он, но спокойствие, которого я ждала от пребывания здесь, не наступает, потому что Мими тоже тут – сидит через пять рядов позади меня.

Вернувшись домой, я обнаруживаю, что там никого нет. Собираюсь повесить сумку на вешалку, но вдруг вижу на ней листок самоклеящейся бумаги с надписью «Оставить». Это медная вешалка с крючками в форме разных животных. Я провожу рукой по рогу носорога, по хоботу слона. Закидываю рюкзак на плечо и иду в гостиную, но повсюду замечаю записки. На часах на каминной полке написано «Продать». На портрете бабушки – знак вопроса. На журнальном столике, усеянном потускневшими кругами от кофейных и чайных чашек – «Сдать в комиссионку».

Смотрю на пол, аккуратно обхожу прищипленные к коврам записки и направляюсь на второй этаж, в свою комнату. Бросаю рюкзак. Сбрасываю сандалии. Откидываю одеяло и забираюсь в постель. Сжимаюсь в комок. Заставляю себя заснуть.

И вот снова понедельник. Мими, Хоуп и Трэвис стоят перед открытой дверью кабинета, и я стараюсь набраться храбрости и заговорить с ними. Кажется, я облажалась. Надо было сесть с ними в первый же день или хотя бы во второй. А теперь уже прошло слишком много времени, они так и не предложили мне сесть с ними, а все наши разговоры состоят в основном из «привет» и «пока».

³ Фамилия Траут (Trout) в переводе с английского означает «форель».

Но набираться храбрости мне не приходится, потому что Хоуп, заметив меня, восклицает:

– Флора, зацени татушку Мими!

Я подхожу к ним. На правом предплечье Мими красуется калифорнийский мак в натуральную величину.

– Не могу поверить, что мама тебе разрешила! – говорит Трэвис.

– Ну что сказать? Я дочь бунтарки.

– Красота! – говорю я. – Лепестки просто идеально вышли.

Я краснею, говоря это, потому что чуть не сказала, что она идеальна. Татуировка и правда очень красивая, но даже эти яркие краски бледнеют в сравнении с ее лицом, ее коленями, с тем, как она стоит сейчас перед нами, вытянув руку, без тени самолюбования.

– Я тоже хочу татуировку, – говорю я. – Уже придумала где.

Я показываю им место – на внутренней стороне плеча.

– А что там будет? – спрашивает Трэвис.

– Слово. Фраза. «Конец любви».

Мими щурит глаза.

– Это откуда?

– Сама придумала.

Это то, что причиняет мне боль. То, о чем я не могу говорить. Из-за чего просыпаюсь посреди ночи. Кажется, если бы я могла сделать что-то с этим, навсегда запечатлеть на своем теле, оно бы отпустило мое сердце.

– Похоже на фразу из песни, – говорит Хоуп. – Или из книги. Но не могу себе это представить в виде татуировки.

– Зато это будет предупреждением для других девчонок, – говорит Трэвис. – Все будут знать, что от тебя стоит держаться подальше.

Я снова краснею. Не думала, что я достаточно важная персона, чтобы меня обсуждали в Портеро-Хай. Но оказывается, это так. Поднимаю взгляд и замечаю, что Мими смотрит на меня.

– Ребята, – окликает нас мистер Траут из кабинета – возможно, это травмирует ваши хрупкие юные умы, но урок все же состоится *внутри* кабинета.

Я уже собираюсь идти за ними на последний ряд, но вижу, что там только три свободных парты, и сажусь на свое обычное место.

Сегодня мистер Траут будет рассказывать нам про многоугольники, хотя он еще этого не сказал. Но я догадываюсь, увидев фигуры, нарисованные на доске. Я знаю все названия. Треугольник, четырехугольник, пятиугольник, шестиугольник, семиугольник, восьмиугольник, девятиугольник, десятиугольник...

– Что у них общего?

– Это все геометрические фигуры? – звучат предположения. – У них прямые линии?

– Да, – соглашается мистер Траут. – А что еще?

Я записываю в тетрадь все, что знаю про многоугольники. Что они все – конечная цепь отрезков. Что у них есть стороны, и точки, в которых эти стороны соприкасаются. Что пространство внутри них называется «площадью».

Пишу про выпуклые и невыпуклые многоугольники. Про простые и звездчатые. Про равенство и симметрию, которые успокаивают мою душу. Мистер Траут говорит то, что я уже знаю. Кажется, ему скучно, но это не важно. Слова срываются с его губ, разносятся по классу, и я замираю, потому что знаю, что она тоже их слышит.

Когда я возвращаюсь домой, родители со своими самоклеящимися листочками стоят в столовой перед сервантом с посудой.

– Глянь-ка, – говорит мама, нахмурившись и показывая на сервировочное блюдо. – И о чем мы только думали?

Это блюдо они использовали постоянно, сколько я себя помню. На мой взгляд, в нем нет ничего плохого, но папа тоже хмурится и всплескивает руками.

– Ну что я могу сказать? – говорит он. – Это было в девяностые!

– В комиссионку? Ну, если ты не хочешь его оставить.

– Нет, точно в комиссионку.

Он несет блюдо к обеденному столу, который облеплен записками трех категорий. «Его», «ее» и «комиссионка». Последняя кучка самая большая и занимает почти весь стол.

– Вы хоть что-нибудь оставите? – спрашиваю я.

– О! – восклицает папа. – Привет, Флора!

Мама машет мне рукой.

– Я и не заметила, как ты пришла.

У себя в комнате я открываю учебник и начинаю делать домашнее задание, которое мне, как вольному слушателю, в общем-то не положено. Мистер Траут задал нам только задачи с нечетными номерами, но я собираюсь сделать все. Где-то на середине, когда я рисую циркулем идеальный круг, в дверь стучат.

Дверь открывается, хотя я не сказала «войдите».

– Как дела – спрашивает мама.

– Ничего. Уроки делаю.

– Сложно?

Я пожимаю плечами.

– Какой предмет-то?

– Геометрия.

Она кивает, склоняет голову набок.

– Мне почему-то казалось, что ты уже сдала геометрию.

Я не отвечаю, но ей, кажется, все равно. Она осматривает мою комнату. В груди у меня все сжимается, и я почти слышу голос Джессики, которая советует мне озвучить свои чувства.

– Есть идеи по поводу того, что ты хочешь оставить?

– Все, – говорю я.

– Мы могли бы купить тебе стол получше. Более современный.

– Мне остался всего год до колледжа.

– Ну ладно. Посмотрим, как он встанет в твоей новой комнате, а там решим.

– Я вообще-то только начала, – говорю я, показывая на учебник.

– Упс! Ну, тогда я пойду. Жду не дожусь субботы! Подруга рассказала мне про новый магазин в Беркли, можем сходить туда посмотреть.

– Ты собираешься выбирать шторы, хотя мы еще не знаем, где будем жить?

– Я уже знаю, какой стиль мне нравится. В турецком духе. Посмотрим, что там есть.

– Ну ладно, – говорю я.

– Вот и отлично. Ну, занимайся. А мы с папой начнем разбирать кладовку. Знаешь, мы неплохо проводим время, – она улыбается в подтверждение своих слов. – Так важно отпустить прошлое. Мы все время делимся воспоминаниями и смеемся. И мы выбрасываем столько ненужных вещей, это прекрасное чувство.

У меня мутнеет в глазах, но тут же проходит. Во мне с опасным жужжанием взвизгивает пчелиный рой, но я усмиряю его и говорю:

– Рада за вас. Но мне правда надо заниматься.

Я опускаю взгляд в книгу, но ничего не вижу. Сажу неподвижно, жду, когда захлопнется дверь. Мамины шаги стихают, удаляясь по коридору. Я открываю чистую страницу в тетради и берусь за циркуль, но нажимаю слишком сильно, грифель ломается.

Откладываю домашнюю работу и открываю ноутбук. Начинаю искать ткани в турецком стиле, создаю новую папку в «Пинтересте». Подбираю рисунки и цвета, фотографии турецкой плитки для вдохновения. Выясняю, что есть разные традиционные мотивы: с животными, цветами, деревьями. В конце концов я устаю и поддаюсь уютному зову постели.

Посреди лекции о теореме Пифагора мистер Траут что-то замечает в окне. Его лицо преображается, озаряясь улыбкой. Я поворачиваюсь туда, куда он смотрит, и вижу женщину с корзиной для пикника.

– Флора, – говорит он, – сделай одолжение и закончи разбирать это доказательство. А потом переходи к следующему, – уже на полпути к выходу он оборачивается. – А потом к следующему.

Я выхожу к доске и беру маркер. Поворачиваюсь и вижу, как мистер Траут обнимает женщину. Потом она достает плед, который несла под мышкой, и раскладывает его на траве прямо под окнами кабинета.

Я заканчиваю чертеж мистера Траута, попутно объясняя, что к чему, потом поворачиваюсь к классу. Все смотрят в окно, где женщина достает из корзинки для пикника два сэндвича, завернутых в пергамент и перевязанных бантиками. Следом из корзинки появляется тарелка с клубникой и два узких бокала для шампанского. Она эффектным жестом извлекает бутылку газированной воды, что-то говорит, и оба смеются, запрокинув головы.

Мне неловко стоять у доски без дела, так что я заглядываю в записи мистера Траута, чтобы узнать, что объяснять дальше, стираю с доски чертеж и начинаю новый.

– Итак, это алгебраическое доказательство, – говорю я. – «А» в квадрате плюс «b» в квадрате равняется «с» в квадрате.

Рисую на доске большой квадрат и внутри него второй поменьше, повернутый под углом, помечаю стороны. Я даже не оборачиваюсь, потому что знаю, что никто меня не слушает. Закончив, я откладываю маркер и смотрю в окно. Мистер Траут и его подруга, вальяжно расположившись на пледе, едят и болтают, будто в парке субботним днем. Весь класс смотрит в окно, наблюдая за ними.

Кроме Мими, которая смотрит на меня.

И вдруг я вспоминаю, как в первый раз я увидела ее, когда ждала Блейка под дубом, а она раздавала листовки.

– Ты из этой школы? – спросила она. Я покачала головой. – Так я и думала. Жаль, – а потом все равно дала мне листовку.

Спустя пару недель, под тем же деревом, мое сердце заколотилось, когда я увидела ее.

– Как дела в клубе? – спросила я.

Она пожала плечами.

– Да так себе. Слишком много гетеро, слишком мало геев, а это не соответствует нашей задаче.

Рядом с ней стояли Трэвис и Хоуп.

– Нас не вини, – сказал Трэвис. – Мы просто хотели тебя поддержать.

– Да все равно. Похоже, что клубы – это не для меня, – заметила Мими.

И вот, спустя почти три года, пока наш учитель устроил пикник под окнами школы, а весь класс завороченно за ним следит, Мими поднимает руку.

– Да? – отзываюсь я.

– Почему ты ходишь на этот курс?

То ли из-за странности этого момента, то ли из-за того, что в окружении двадцати учеников, отвернувшихся от нас, кажется, что мы с Мими остались вдвоем в этом классе, я решаю ответить честно:

– Мне нужен был повод уходить из дома.

– Мы собираемся в поход, – говорит Мими два часа спустя. – Хочешь с нами?

Мы стоим на том самом месте, где мистер Траут и его подруга устроили пикник, а потом ликвидировали все его следы. Он вернулся в класс как ни в чем не бывало и отпустил нас на обед.

– Когда? – спрашиваю я у Мими.

– Завтра утром. Мы недалеко, на пляж Муир на пару дней.

– Вряд ли у меня получится, – отвечаю я. – Мне бы хотелось, но у меня другие планы.

– Вечеринка по случаю 4 Июля?

– Не совсем. Надо выбрать вещи для нового дома. С мамой.

– Очень жаль, потому что нам всем не помешала бы помощь с геометрией.

– А, так вам просто нужен бесплатный репетитор?

– Не только, – возражает Мими.

– Перемена кончилась! – кричит из кабинета мистер Траут. – И почему я должен вам об этом напоминать? У вас у всех в телефонах есть часы.

– Дерзкое замечание для человека, который устроил пикник посреди рабочего дня, – парирует Трэвис.

– Справедливо, – признает мистер Траут. – Но все равно я тут главный.

Я разворачиваюсь и иду обратно в класс.

В конце дня, выходя из кабинета, Мими протягивает мне записку. За все время нашего знакомства это второй листок бумаги, который она дала мне. Он больше, чем тот флаер – лист из тетрадки в клеточку, сложенный пополам. Там написано «На случай, если твои планы отменятся». Под текстом рисунок: палатка, пара деревьев, луна, звезды и костер. И приписка внизу: «кемпинг на пляже Муир, участок 12».

– Сперва выпьем кофе, – говорит мама. – А потом в магазин за шторами!

Она хочет, чтобы мы поехали на двух машинах, потому что у нее потом еще дела. Пока она заказывает два латте в кафе, куда мы обычно ходим, я выбираю столик и достаю ноутбук, чтобы показать ей папку с картинками, которые я выбрала.

– Так здорово! – говорит она, усаживаясь за столик. – Посмотри-ка на эту! Отличный цвет.

– Мне тоже нравится, – говорю я и листаю вниз, чтобы показать ей еще несколько похожих картинок. – Я подумала, что вообще-то это не так уж глупо – выбирать шторы, не зная, где мы будем жить. Может, это поможет нам придерживаться выбранного стиля.

– Ты у меня такая умница. Кажется, бариста назвал наши имена, – говорит мама. – Пойдем.

Мы приезжаем в салон текстиля и допиваем кофе у входа. Глядя на витрину, я понимаю, что нам будет из чего выбирать, и убеждаю себя, что мое приподнятое настроение – это хорошо и вовсе не значит, что я изменяю себе. Джессика всегда говорит, что чувства – сложная штука. Иногда они могут быть противоречивыми. И в них не всегда есть логика.

Я заглядываю в витрину, мой взгляд падает на образец ткани на стене.

– Кажется, я уже нашла один вариант, – говорю я маме.

– Где? – спрашивает она.

– Вон там, третья от нас.

Мамино лицо рядом с моим, я что-то показываю ей... Все это воскрешает какое-то забытое ощущение, из времен, которые были до того, как в моей голове возникла фраза «конец любви» и стала преследовать меня даже во сне. Мы выбрасываем стаканчики от кофе и заходим в магазин.

– А, это вы! – восклицает женщина за прилавком. – Ваш заказ у меня в кладовке.

– Какой заказ? – спрашиваю я.

Мама игриво пожимает плечами, как будто это все очень мило.

– Попалась! Я не удержалась, и заглянула сюда пару дней назад, и просто влюбилась в одну расцветку!

– А зачем тогда ты меня сюда привела?

– Нам же нужна не одна пара штор. Ну-ка покажи мне, что тебе приглянулось.

Я веду ее к стене, где висит образец, который я заметила с улицы, но вблизи ткань не такая, как я себе представляла.

– Отличные цвета! – говорит она. – Посмотри, что я выбрала, тебе понравится.

Продавщица выкладывает шторы на прилавок перед мамой. Она сине-белая с орнаментом икат – вовсе не в турецком стиле и совсем не таких теплых цветов, которые мы выбирали.

– Ну разве не прелесть? К ним бы подошел журнальный столик в деревенском стиле и кожаный диван... – Она приподнимает брови и улыбается, выжидающе глядя на меня.

– Звучит неплохо, – выдавливаю я.

– Ну и хорошо, – говорит она. – А теперь у меня для тебя сюрприз. Нам нужно еще в одно место. Поезжай за мной!

Я следую за ней по шоссе, сквозь туннель и череду пригородов. Она сворачивает в жилой квартал, я за ней. Мы паркуемся перед новеньким многоквартирным комплексом. В одной руке она держит ключ, на другой болтается пакет со шторами.

– Что происходит? – спрашиваю я.

– Сейчас увидишь! – чирикает она и ведет меня по бетонным ступенькам к красной двери. Поворачивает ключ в замке, и мы оказываемся в пустой гостиной. – Сюрприз! Добро пожаловать домой, Флора!

Внутри у меня снова взвизгивает пчелиный рой, жужжит и бьется крылышками. У меня мутнеет в глазах.

– Ты издеваешься?

Она в замешательстве смотрит на меня.

– Тебе что, не нравится?

– Сюрприз, добро пожаловать домой?! Помоги мне выбрать шторы?!

– Флора...

Но я уже разворачиваюсь и выхожу из квартиры. Сбегаю по ступенькам, сажусь в машину и, не глядя на нее, уезжаю прочь. Я сама не знаю, куда еду, но вскоре мне приходится остановиться, потому что слезы текут ручьем, застилая глаза.

Я считала, что, когда люди разводятся, им положено из-за всего ссориться. Сражаться за дом, машины, мебель. За сохранившиеся свадебные подарки. За коллекцию картин, если вы из тех людей, кто собирает картины, а мои родители как раз из них. Я думала, при разводе людям хочется сохранить кусочки своего прошлого. Что ушедшие годы все еще что-то значат.

Я хочу оставить маленький диванчик. И кружки с маргаритками. И подставки для яиц. И придверный коврик, и бабушкин портрет, и лошадку-качалку, и обои. Пианино и ковер с индейским рисунком. И свою комнату, и папу. Я все хочу, все!

– Так мы все-таки тебе нравимся! – восклицает Трэвис, когда я вылезаю из машины и ступаю с гравия на траву.

– Конечно, нравитесь.

– Но ты не сидишь с нами в классе, – говорит Хоуп. – Нам обидно.

Они развалились на ярких разноцветных складных стульях. Мими опирается о пенек ногами, обутыми в ярко-красные сандалии, тербит расстегнутую ляжку обрезанного комбинезона и улыбается мне. Я краснею, как будто снова в девятом классе. Но теперь мы обе стали старше и лучше умеем выражать свои желания.

– Я надеялась, что ты приедешь, – говорит она.

Я открываю рот, чтобы сказать что-нибудь легкомысленное и кокетливое, но вместо этого у меня вырывается всхлип. По щекам текут слезы. Этого я не ожидала. Я закрываю лицо руками.

– Боже мой, – говорю я. – Мне так стыдно. – Но, к счастью, я уже смеюсь и перестаю плакать.

– С тобой все в порядке? – спрашивает Хоуп.

– Просто у меня был тяжелый... день? Месяц? Пара лет?

– Мы все думали, что с тобой такое. Сидишь на первой парте, ни с кем не общаешься, если не втянуть тебя в разговор.

– У тебя часто отсутствующий вид, – добавляет Трэвис.

– И грустный, – вставляет Мими. – Я помню, раньше ты гораздо чаще улыбалась.

– Родители разводятся, – говорю я. Я редко произношу эти слова вслух, разве что на приеме у Джессики. Развод – такая распространенная вещь. Ничтожная проблема по сравнению с действительно ужасными вещами, которые случаются со многими другими. Но, начав говорить, я вываливаю на них все.

– Они два года то сходились, то расходились. Пробовали пожить отдельно. Долгое время казалось, что они друг друга ненавидят, по-настоящему, лютой ненавистью. Но теперь решение принято окончательно, и ненависть прошла. Они, блин, веселятся. Папа начал насвистывать!

– Так вот почему ты записалась на геометрию, хотя сама могла бы ее вести, – говорит Мими. – А что с вашим походом в магазин?

Я качаю головой.

– Катастрофа.

– Ну что ж, – говорит Трэвис, – хоть тебе и пришлось бежать из дома, зато теперь ты оказалась в раю.

И это правда. Мы сидим посреди леса, но я чувствую запах океана. Над нами возвышаются секвойи, с ветки неподалеку взлетает стайка голубых птичек. Я смотрю, как они взмывают в небо, ныряют вниз, разлетаются и снова слетаются вместе и наконец скрываются из виду. Я поворачиваю голову и осматриваю лагерь. Две палатки, между ними аккуратно сложенные в рядок рюкзаки. Стулья расставлены вокруг костра, а рядом большой походный холодильник, обклеенный стикерами Калифорнийского национального заповедника.

Они явно профессионалы походного дела.

– Эй, – говорю я, – я так плохо подготовилась. Заскочила по дороге в супермаркет, но купила только зубную щетку.

– У меня палатка на двоих, – говорит Хоуп.

– А у меня есть запасное одеяло, – добавляет Мими.

Трэвис указывает на старенький «Вольво», который стоит неподалеку.

– У меня в машине запас толстовок, которого хватит на небольшую деревушку.

Как же приятно снова смеяться!

– Так что же заставило тебя отправиться в поход с кучкой отщепенцев? – спрашивает Трэвис.

– Почему это вы отщепенцы?

– Ну, для начала, – говорит Мими, – мы ни черта не смыслим в математике.

– К тому же мы все разных национальностей, – добавляет Трэвис. – Мими – наполовину корейка, я – наполовину мексиканец, а Хоуп вообще гремучая смесь.

Хоуп кивает с притворной серьезностью и говорит:

– Полуфранцуженка, полуголландка.

– Кроме того, – продолжает Мими, – мы, пожалуй, единственная компания в истории старших классов, в которой никто никогда не ссорился, не влюблялся друг в друга и не целовался с чужими возлюбленными.

– В походах нам уютнее, чем дома, – вставляет Хоуп.

– За последние три года мы повстречали четырех медведей, но нас так и не съели.

– А еще, – завершает Мими, – мы никогда – ни разу! – не были на школьной дискотеке.

– Почему? – спрашиваю я.

– Мы вместо этого ходим в походы, – поясняет Хоуп. – Так повелось еще с бала выпускников в девятом классе. Правда, тогда нас не отпустили одних, и родители Трэвиса поставили палатку в паре участков от нас и приходили нас проведать каждые несколько часов.

– Это мило, – говорю я.

Мими добавляет:

– А однажды, в десятом классе, мы разбили лагерь во дворе у Хоуп.

– Это была вынужденная мера, – поясняет Хоуп. – Никто из родителей не был готов идти в поход в декабре.

– Ты рыбу любишь? – спрашивает Трэвис. – Мы готовим форель в честь нашего учителя.

– Серьезно?

– Ну, вообще-то мы всегда жарим на костре форель, но на этот раз в этом есть особый смысл.

– Плохие новости на алкогольном фронте, – говорит Хоуп, расстегивая один из рюкзаков. – Удалось раздобыть только одну бутылку, да и в той на доньшке.

Трэвис изучает этикетку.

– Бурбон.

– В походах я предпочитаю чай, – говорит Мими, поднимая кружку.

– А ты взяла с собой чай?

– Тут мята повсюду растет, – поясняет Мими.

– Так ты что, просто нарвала мяты и бросила в чашку? – спрашивает Трэвис.

– Ну да.

– Гадость какая.

– Почему это? Я всегда так делаю. С чего это ты взял, что мятный чай – гадость?

– Но это же разве чай? – возражает Трэвис. – В моем понимании, чай – это сушеные листья.

Мими качает головой, широко распахивает глаза и смотрит в чашку.

– А мы даже в интернете посмотреть не можем! – говорит Хоуп.

– Возможно, мы так и не узнаем правды, – говорит Трэвис.

– А я хочу попробовать, – говорю я. – Твой чай.

Мими смотрит на меня:

– Значит, ты на моей стороне?

Я улыбаюсь и пожимаю плечами.

– Вот попробую, и узнаем.

Она встает, ставит кружку на стул и идет по тропинке к кустику мяты. Я смотрю, как она срывает стебелек.

Наливает в жестяной чайник воду из бутылки и ставит его на огонь.

– А кружка у тебя есть? – спрашивает она. Я качаю головой.

Она заходит в палатку и через несколько секунд появляется с зеленой кружкой в руках. Я не могу удержаться от мысли о том, сколько раз ее губы касались края этой кружки. А теперь коснутся и мои. Она бросает на доньшко мяту, которую сорвала для меня, заливает горячей водой и протягивает мне.

– Подожди пару минут, пусть заварится.

– Я тут подумала, – говорит Хоуп после ужина. – Насчет твоей татуировки. Если ты все-таки решишься, сделай тогда еще одну – на другой руке, с надписью «начало любви». И в зависимости от того, с какой стороны читать – справа налево или слева направо, – будет получаться, что любовь началась, а потом кончилась, либо что любовь кончилась, а теперь начнется снова.

Костер ярко пылает, освещая их лица.

– Но я думала, что любовь должна быть вечной, – возражаю я.

Трэвис вздыхает.

– Еще одна сказочка из тех, которыми нас пичкают в детстве. Ну, с другой стороны, они хотя бы счастливы.

– Ничего они не счастливы, – возражаю я. – Они просто вычеркнули свое прошлое.

Был один случай в январе прошлого года. Но мы с мамой делаем вид, что его не было. Праздники тогда состояли сплошь из стрессов и переездов. Всю дорогу до Портленда, куда мы всегда ездим на Рождество, мое сердце переполняло нетерпение: я собиралась открыться своим двоюродным братьям и сестрам, тете с дядей и бабушке. Я знала, что кто-нибудь непременно спросит меня, есть ли у меня парень – они каждый год это делают. И на этот раз я собиралась не просто ответить «нет». Меня так поглотили эти мысли, что я едва замечала, как враждебно настроены друг к другу родители. Я обратила на это внимание лишь по дороге домой, когда у меня в голове прояснилось. Они прожили вместе большую часть января, но дом превратился в минное поле: один неверный шаг, и к потолку полетят осколки снарядов или гостиную заполнит ядовитый газ.

В конце месяца папа переехал к своему другу в соседний город. Однажды я допоздна делала уроки, старалась сосредоточиться и решила, что дело пойдет лучше, если перекусить.

Мама сидела одна за кухонным столом.

– Знаешь, – ни с того ни с сего сказала она, – то, что ты решила рассказать родственникам именно сейчас, отнюдь не упростило ситуацию. Я не говорю, что ты во всем виновата, между нами и раньше было не все гладко, но этот лишний стресс, да еще на Рождество...

Я рассказываю об этом ребятам.

Мими говорит:

– Надеюсь, ты сказала ей: «Мам, это бред какой-то».

– Нет, – говорю я. – Этого я не сказала.

– Ну, надеюсь, еще скажешь.

Она делает глоток чая. Я тоже.

– Надеюсь, скажешь в ближайшем будущем.

– В самом ближайшем, – добавляет Хоуп.

– Скажем, завтра вечером, – предлагает Трэвис. – Прямо с порога.

– Погодите-ка, – говорит Хоуп. – А может, прямо сейчас?

Она встает на цыпочки и принимается размахивать в воздухе телефоном, пытаясь поймать сигнал, но тут я говорю:

– Нет, не сейчас. Точно не сегодня.

Костер начинает затухать – все еще горит, но уже не так бойко, как раньше.

Мими подливает мне в кружку кипятка.

– Ну и как тебе? – спрашивает Трэвис.

– Что?

– Чай.

– Только честно, – предупреждает Мими.

– На вкус совсем как мятный чай.

Трэвис удивленно поднимает брови.

– Ну, как скажете.

Становится слишком холодно, чтобы и дальше сидеть на улице. Я достаю из упаковки зубную щетку, откручиваю крышку на мини-тюбике зубной пасты. И тут вижу, как Трэвис выходит из палатки Хоуп со спальным мешком и подушкой в руках.

– О нет, – говорю я, – я что, твое место заняла?

– Не парься, – отвечает он. – Так даже лучше. Она вечно ко мне пристает.

– Ой, да ну тебя, – возражает Хоуп. – Ты мне как брат.

Он забирается в спальный мешок.

Мими говорит ему:

– Я бы пригласила тебя к себе в палатку, но тогда тебе придется спать буквально на мне.

– Дорогуша, – говорит Трэвис, – ты же сама знаешь, что я не хочу всю ночь слушать твой храп.

Он застегивает мешок, забравшись в него до самых бровей.

– Не задохнись там, – предостерегает Мими. – Что мы без тебя будем делать.

– Ладно, – говорит Трэвис и с головой прячется в мешок.

– У тебя есть все, что нужно? – спрашивает Мими.

Она дала мне два одеяла, а Трэвис позволил мне порыться в его машине в поисках дополнительных утеплителей. К счастью, он оказался из тех мальчиков, от которых приятно пахнет.

Я киваю.

Она говорит:

– Я так рада, что нарисовала для тебя тот рисунок.

– Я тоже.

– Ну что, увидимся утром? Ты же не передумаешь и не сбежишь, пока мы спим?

– Ни за что.

Она касается моего запястья.

– Тогда спокойной ночи.

Мы закрываемся в палатке. Как только Хоуп улеглась в свой спальный мешок, а я на свою грудку свитеров, все шорохи стихли, и я слышу лишь звуки ночи. Ветер и сверчки. Смех где-то вдалеке, на другом участке.

Хоуп шепчет:

– Мои родители развелись, когда мне было двенадцать.

– Ой! Мне так жаль.

– Мне казалось, земля уходит из-под ног. Это было ужасно. Потом я привыкла, но дом так никогда и не стал прежним.

Крыша палатки прозрачная. Я вижу луну и звезды, и слова Хоуп кажутся такой же вечной истиной, как они. Как бы люди ни старались сосредоточиться на хорошем, пытаюсь перенестись сразу в будущее, где все хорошо, правда заключается в том, что нельзя просто проскочить этот период – время, когда становится трудно дышать и ты чувствуешь себя совершенно беспомощным. Как будто кричишь, а никто тебя не слышит. Как будто счастливое будущее – миф, на который нельзя рассчитывать, и хочется только одного – бежать от всего этого.

Конец любви. Конец семьи. Ты больше не дочь двух человек, которые просыпаются в одной постели, ставят зубные щетки в один стаканчик, иногда закатывают глаза и вздыхают, иногда злятся друг на друга, но каждый вечер возвращаются в один дом и садятся за один стол.

– Нам осталось потерпеть всего год, – говорит Хоуп. – А потом у каждого из нас будет свой собственный дом.

– Ага, – говорю я.

– А пока можем ходить в походы.

Хоуп засыпает. Я лежу неподвижно и прислушиваюсь, ожидая, когда захрапит Мими. Ее палатка стоит совсем близко, но оттуда не слышно ни звука. Проходит так много времени, что я начинаю бояться, что скоро рассветет, а я так и не усну.

Делаю вдох.

«Она нарисовала мне картинку».

Делаю выдох.

«Она хотела, чтобы я приехала».

– Тут есть волшебное дерево, – говорит утром Мими. – Я хочу тебе его показать. После завтрака, конечно.

Как по волшебству возникают сосиски, картошка и яйца, которые волшебным образом одновременно оказываются горячими у нас на тарелках, хотя готовятся все на костре на одной-единственной сковородке. Мы едим молча, пьем кофе, который Хоуп варит всем по очереди. Сквозь ветви деревьев проникает утренний свет. В воздухе пахнет костром, землей и океаном, а я не могу подобрать слово, чтобы описать свое состояние. Разве что «жива».

Потом мы с Мими идем к ее машине, садимся в нее вдвоем, и я трогаю кристаллики, которые лежат у нее на приборной панели: один прозрачный, один розовый, один желтый.

– А это зачем? – спрашиваю я.

– Мама заставляет меня всегда хранить их в машине. Она считает, что они меня оберегают.

У меня нет слов. Я не представляю себе, каково это – иметь маму, которая верит в такие вещи.

– Хорошо еще, они хоть на вид симпатичные, правда? – говорит Мими, и я киваю.

Она медленно едет по проселочной дороге, которая ведет к выезду из кемпинга, останавливается, чтобы пропустить группу детей. Когда они проходят, она ждет еще пару секунд, и вскоре на дороге показывается мальчишка, спешащий за остальными. Мими улыбается.

– Так и думала, – говорит она. – Всегда найдется отстающий.

Через десять минут она останавливает машину на крутом повороте, в котором на первый взгляд нет ничего примечательного. Ни зоны отдыха, ни знака – ничего, что бы указывало, что тут стоит остановиться. Я жду, что она скажет, что мы пропустили поворот, но она выключает двигатель и смотрит на меня.

– Готова? – спрашивает она, и мы идем вперед по узкой тропинке. Она ведет меня вверх по холму, сквозь деревья и папоротники, заросли травы и диких цветов. Мы ныряем под ветки и лавируем между кустами ежевики, и вот перед нами возникает поляна, а за ней, прямо под нами, океан.

– Вот это, – говорит Мими, – мое самое любимое место в мире.

Она ведет меня к волшебному дереву. Это не секвойя, не дуб, не сосна и не клен. Я вообще раньше не видела ничего похожего. Дерево старое, это сразу видно, но не такое величественное, как секвойя. В ширину оно больше, чем в высоту. Толстые ветви раскинулись во все стороны, а ствол покрыт узлами.

Мими забирается на услужливо протянутую ветку, залезает повыше. Я касаюсь коры и нащупываю место, откуда вылезает крошечный зеленый побег.

– Я хочу рассказать тебе одну историю, – говорю я. Мими кивает.

Она напоминает мне Алису перед путешествием в Страну чудес. Я тоже забираюсь на ветку и усаживаюсь, болтая ногами. Одно неловкое движение – и можно сорваться в океан, но я уже давно нигде не чувствовала себя так спокойно и безопасно.

То самое чувство, которого я ждала от летних курсов.

– Это про меня, мою маму и наш дом.

– Я очень хочу послушать, – говорит Мими.

У меня возникает такое же чувство, как на приемах у Джессики, когда я начинаю рассказывать ей что-то и тут же задумываюсь, зачем я это рассказываю. Но, как всегда говорит Джессика, надо же с чего-то начать.

– Мы купили дом, когда я была в седьмом классе, – говорю я. – Мама давно об этом мечтала. Раньше мы жили в доме, который был вполне ничего, но не очень красивый, а маме хотелось, чтобы все было как на картинке: крыльцо, большие окна и все такое. Чтобы было место, где разбить сад, и уютные ниши, и уголки. Она их просто обожает. Я, кстати, тоже.

Мими улыбается:

– Я это запомню.

– Папа часто работает по выходным, так что мы с мамой вдвоем ходили смотреть дома, выставленные на продажу. Мы несколько месяцев искали идеальный дом и нашли его. В нем было все, о чем мы мечтали. Он стоял на красивой улице, усаженной дубами, и стоил чуть дороже, чем родители были готовы заплатить. Они предложили свою цену, хозяева согласились, и вот тогда-то мы с мамой взялись за дело.

Поднимается ветерок, и я на несколько секунд замираю, наблюдая, как колышутся ветви над нами. Пытаюсь вспомнить, как все было тогда. Когда мне каждый день хотелось проводить с мамой.

– Мы спланировали каждую комнату – цвет стен, мебель. Мы прикладывали к стенам картины, чтобы найти для каждой идеальное место. Составляли длинные списки покупок. Выбирали обои для своих ниш и укромных уголков. Мне доверили выбрать обои для уголка под лестницей. Я выбрала обои под старину, с одуванчиками на розовом фоне. Мы поставили там маленькое кресло и столик, и на долгое время это место стало моим самым любимым в доме.

– Мы прочесывали лавки старьевщиков, охотясь за антиквариатом. Посещали аукционы, скупая картины. Ходили в галереи, сетевые магазины и шоу-румы. Я узнала, как сочетать разные цвета, орнаменты и текстуры. Как ухаживать за комнатными растениями. Каждый раз, как кто-нибудь делал маме комплимент по поводу дома, она говорила: «Мы с Флорой вместе все придумывали».

А теперь они просто все выбрасывают. Все. Как будто это никогда не имело значения. А я не могу подобрать слов, чтобы объяснить, что это значит для меня.

По моим щекам текут слезы, а я даже не заметила, как заплакала. Конец любви. Конец любви.

Мими слезает со своей ветки и забирается на мою. Она берет мои руки в свои, но я чувствую, что этот жест – не просто попытка меня утешить. Это нечто большее.

– Я помню, как увидела тебя в первый раз, – говорит она. – Ты была такой счастливой, уверенной в себе. Мне хотелось сбросить руку Блейка с твоей талии и самой обнять тебя.

– Мне бы это понравилось.

– Даже тогда?

– А ты разве не видела? Кажется, рядом с тобой у меня не получается скрывать свои чувства. И никогда не получалось.

– Я догадывалась, что ты что-то чувствуешь ко мне. – Она отпускает мои руки и дотрагивается до моей щеки.

Я склоняю голову, прижимаясь щекой к ее ладони. Мне хочется, чтобы так было всегда.

– Мне хотелось поцеловать тебя, когда ты была счастлива. И хочется сейчас, когда тебе так грустно.

Но она не двигается, продолжая смотреть на меня.

– Мне тоже этого хочется, – говорю я. – Очень.

И мы тянемся друг к другу.

Я целую Мими Парк через два года после нашей первой встречи. Целую ее, хотя часто говорила себе, что скорее всего больше никогда ее не увижу. Иногда, по ночам, лежа без сна

и думая о ней, я говорила себе, что, наверное, нам не суждено быть вместе. Что, наверное, я ошиблась. То, что человек открывает тебе что-то про тебя самого, еще не значит, что ему суждено сыграть еще какую-то роль. И даже, если с первого взгляда на Мими и при каждой нашей следующей встрече каждая клеточка во мне загоралась желанием прижаться к ней, это еще не значит, что она – моя судьба. Может, это просто значит, что мне нужно нечто иное. Что мне нужна девушка.

Но теперь я на три года старше, чем тогда. Я уже целовалась с несколькими девушками. Наверное, даже была влюблена. Но ни с кем другим ничего похожего я не испытывала.

Я прислоняюсь к стволу дерева, чувствуя ее руки на своем лице, в своих волосах, на груди, на затылке. Я хватаюсь за соседнюю ветку, боясь потерять равновесие.

– Мы свалимся с этого дерева, – шепчу я, когда она прижимается губами к моей шее.

Она отстраняется. Мне хочется снова прижаться к ней. Она спрыгивает на траву, я за ней. Под нами сверкает океан. Небо голубое и ясное. А дерево действительно волшебное. Она тянет меня за собой на землю и снова целует меня.

– Мне больше не грустно, – говорю я.

Она смеется и отвечает:

– Хорошо. Это очень хорошо. Мне тоже.

– А вот и Флора с Мими! – восклицает Трэвис, когда мы возвращаемся, и от одной этой фразы, объединяющей наши имена, меня снова накрывает волна счастья.

– Пора гулять, – возвещает Хоуп.

Мими скидывает ногу:

– Но у меня с собой только сандалии!

– Да ладно тебе, – говорит Трэвис. – Маршрут не такой уж сложный.

Мы уходим в заросли секвойи, где темно почти как ночью, а воздух намного прохладнее, а потом снова выходим на солнце. Идем вдоль обрыва, где под нами шумит океан, а между камней растут цветы, и наконец выходим на самый крошечный луг, какой я только видела. Там мы садимся в кружок, чтобы отдохнуть.

Я замечаю рядом с собой несколько калифорнийских маков.

– Я бы сорвала один для тебя, если бы это не было незаконно, – говорю я Мими.

– Законы существуют, чтобы их нарушать, – она перегибается через мои колени и срывает цветок, а потом вплетает мне в волосы.

Она смотрит на меня.

– Идеально, – говорит Мими, и Хоуп поддакивает, но Трэвис, прищурившись, качает головой.

– Нужен второй для симметрии.

Он срывает еще один цветок и протягивает его Мими, а я поражаюсь, за что мне такое счастье – быть с ними. Казалось совершенно невероятным, что мы встретимся снова, да еще таким образом: на летних курсах, единственные выпускники среди кучки пятнадцатилетних.

– У меня вопрос, – говорю я.

– Какой? – спрашивает Хоуп.

– Каким образом вы все попали на летнюю геометрию?

– У нас у всех туго с математикой, – объясняет Хоуп. – Мы всегда среди отстающих.

Мими добавляет:

– Это единственный предмет, на который мы ходили вместе в прошлом семестре. Учитель нас рассадил, потому что мы все время болтали.

– И это не преувеличение, – вставляет Трэвис. – Мы просто физически не могли прекратить разговаривать.

– А потом мы стали переписываться смсками.

Хоуп качает головой:

– Это был просто ужас. Я пыталась игнорировать свой телефон, но они все время так многозначительно на меня смотрели! В конце семестра нам всем поставили двойки. Так что теперь мы ходим на летний курс и опять все вместе!

Трэвис говорит:

– Уже по второму кругу проходим одно и то же, а все равно ничего не можем выучить.

– Ребята, – говорю я, – вам просто нужно понять, что геометрия – это самое интересное в математике.

Хоуп смеется. Трэвис возражает:

– «Интересное» и «математика» в одном предложении?... Все, мой мозг отключился.

Мими проводит рукой по своей татуировке и улыбается.

– Это самое человеческое. Это связано с нашим телом, – я встаю, расставив руки. – Симметрия. Пропорции. Знаете этот рисунок Леонардо да Винчи, где человек стоит вот так? – я шире расставляю ноги и выше поднимаю руки.

– Ну да, голый мужик, – говорит Трэвис.

– По-моему, у него мужики почти всегда голые, – вставляет Мими.

– Но вокруг того нарисован круг, да? – спрашивает Хоуп.

– Точно! И еще квадрат. Этот рисунок как раз про геометрию. Геометрия в природе повсюду: когда бросаешь камень в воду и от него расходятся круги, все шире и шире. И жилки на листьях. И чешуя у рыбы. А если посмотреть на срез дерева, видно, как оно росло. А ульи! А суккуленты!

– Чего я не понимаю, – перебивает Трэвис, – так это почему они не учат нас всему этому? Как будто сами хотят, чтобы мы ничего не поняли.

– А вот я не понимаю, – говорю я, – как так получилось, что я записалась на геометрию, ожидая, что там все будет скучно и знакомо, а в итоге оказалась тут.

– Звучит как комплимент, – говорит Мими.

– Так оно и есть. – Я сажусь на свое место и мимоходом целую ее в уголок губ.

– Похоже, у нас тут кое-что новенькое, – замечает Трэвис, вскинув брови. – Когда вернемся, перенесу свой спальный мешок обратно в палатку Хоуп. Сегодня ночью я чуть не околел.

Снова смеркается. Хоуп приносит из машины укулеле. Трэвис уходит в кусты и возвращается с пучком листьев в руках.

– Я заварю чай, – сообщает он. – Особый сбор. Мята и еще кое-что.

– А мы не отравимся? – спрашивает Мими.

– Да ладно тебе, – говорит он. – От чая еще никто не умирал.

Я даже не пробую его чай, но кружка приятно греет мне руки в вечерней прохладе.

– В твою честь, Флора, сегодня я буду петь только о любви, – говорит Хоуп.

Мими разогревает овощной суп на костре и разливает в четыре миски. Каждое ее движение завораживает. Ей на палец попадает капля супа, и она слизывает ее. Она передает мне миску, и наши пальцы соприкасаются.

Она почти все время молчит, но даже ее молчание так много говорит мне. Что бывают такие моменты, как в прошлом январе. Что люди иногда ужасно поступают друг с другом, когда перестают любить. Что «конец любви» – фраза, над которой можно подумать, но не стоит делать такую татуировку. Потому что в мире есть не только записки «выбросить» или «продать» и красные двери многоквартирных домов, но и ветви деревьев, и океанский берег. Есть спальные мешки, палатки и россыпь звезд. Есть такие люди, как она. И есть человек, в которого превращаюсь я.

Завтра я поеду домой. Возможно, родители будут на меня орать за то, что я вот так сбежала. А может, улыбнутся и спросят, хорошо ли я провела время. В любом случае будет больно.

Через две недели наш дом опустеет. Потом придет риелтор и заполнит дом ничейной мебелью и картинами, чтобы казалось, будто там жила семья – воображаемая семья, у которой нет ни фотографий на стенах, ни писем на столике в прихожей, ни еды в холодильнике. В реальной жизни у нас порой бывал беспорядок. Мы не всегда сразу мыли посуду. Замачивали грязные кастрюли. Оставляли на столах ворох бумаг, а в прихожей – кучу обуви. И пылесосили не так часто, как следовало бы.

Мы не всегда были счастливы, но это всегда были мы.

Завтра я войду в дом, и нас больше не будет. Мы станем другими людьми и уже не будем связаны друг с другом так, как раньше. Я пока не знаю, как с этим жить, но знаю, что это правда.

Хоуп поет очередную песню о любви, как и обещала. Она играет не очень умело, но голос у нее чистый и приятный, и она знает все песни наизусть. Закончив, она объявляет, что ложится спать, и вскоре они с Трэвисом уходят.

Мими склоняется ко мне. От нее пахнет мятой – не зубной пастой и не жвачкой, а настоящей мятой, которая еще недавно росла на земле. Она шепчет мне на ухо:

– На самом деле я не храплю.

Я улыбаюсь. Мы поворачиваем головы, и вот уже я шепчу ей на ухо:

– Я знаю.

Мы сидим вдвоем у костра, поднимается ветер, и она берет меня за руку и ведет к палатке. Я слышу каждый звук: биение своего сердца, шуршание травы под ногами, шорох ее одежды, когда она наклоняется, чтобы открыть дверцу в палатку. И вот оно: звук расстегиваемой молнии, снизу вверх, полукругом, и снова вниз. Я закрываю глаза, хотя на улице уже темно, чтобы сосредоточиться на этом звуке. Это открывается моя жизнь.

А потом звук стихает. И мы забираемся внутрь.

Либба Брэй

Последняя смена

В последний вечер перед закрытием кинотеатра небо выглядело так, будто ему не помешал бы больничный: желто-зеленое, с темными краями, словно загноившаяся рана. Явно надвигалась гроза. По ту сторону дороги выстроились в ряд бульдозеры, как армия, сознающая превосходство над противником. В понедельник утром они перейдут в наступление и превратят старый кинотеатр «Киножуть» в горсть праха, а на его месте вырастут жилые дома, салон сотовой связи и «Старбакс». Ура.

– Кевин! Ты-то мне и нужен!

Пока я копошился под прилавком, мой лучший друг Дэйв подскочил ко мне и притянул меня к себе, держа наготове телефон, чтобы сделать селфи.

Я вздохнул.

– Не надо, а?

– Да ладно тебе, чувак. Надо запечатлеть этот момент.

– А нельзя, чтобы момент так и остался моментом?

– Тс-с. Постарайся выглядеть посимпатичнее. – Дэйв жеманно надул губы. Я сохранял свое фирменное выражение лица: нечто среднее между обреченностью и презрением, *обрезре-ние*, так сказать. Щелкнул затвор, и Дэйв отпустил меня, чтобы набрать текст.

– Хештег: #последнийвечеркиножути.

– О да, – сказал я, проверяя давление в сифонах. – Уходим с помпой.

– Вот именно! Последний вечер, – многозначительно повторил Дэйв, мотнув головой в сторону дальнего угла фойе, где предмет моих неразделенных симпатий, Дэни Гарсия, устанавливала перед дамской комнатой табличку «Грохнешься – мы не виноваты», собираясь протереть пол. Ее бирюзовые волосы были уложены в ретроприческу в стиле Бетти Пейдж и выбриты над ухом, утыканным маленькими сережками, как крошечными серебряными позвонками. Вот уже несколько месяцев я сочинял про нас с ней фильм, в котором мы сражались с разнообразными монстрами, спасали мир, а потом на радостях занимались сексом. Что подразумевает, будто у нас с ней было хотя бы одно свидание. На самом деле нет. Даже разговор об этом не заходил.

– Ну так ты созрел? – спросил Дэйв, одновременно жуя целую горсть мармеладных мишек. По подбородку у него потекла струйка разноцветной слюны.

Я поморщился и протянул ему салфетку.

Дэйв застонал.

– Неужели струсил, как девчонка?

– К чему этот сексизм? Я предпочитаю говорить, что сделал осознанный выбор в пользу малодушия.

– Ну Ке-е-евин...

– Чувак, заткнись, – я глянул в сторону туалета. Дэни зашла внутрь со своей шваброй. Дверь была закрыта. – Я это сделаю, – тихо добавил я, поправив очки на носу. – Просто... не сегодня.

Дэйв швырнул в меня двух мармеладных мишек, одного за другим.

– Да почему не сегодня?

– А?

Дэйв держал наготове третий мармеладный снаряд. Я примирительно поднял руку.

– Просто сейчас неподходящий момент.

– Чувак. Разве Линкольн ждал подходящего момента для Геттисбергской речи?

– Вообще да, Дэйв. Он ждал, когда закончится битва при Геттисберге.

– Ну и что? – Третий мишка отскочил от моей щеки и приземлился под емкостью для льда. – Суть в том, что *подходящим* момент делаешь ты сам. Сегодня последний вечер, когда ты видишь ее в такой интимной обстановке. Потом два месяца каникул, а потом она уедет в колледж, и ты будешь кусать локти на встрече выпускников, потому что она выйдет замуж за какого-нибудь татуированного рокера на «Бентли» и забудет, как тебя зовут. «Ой, ты Кайл, да? Мы вроде вместе работали? Погоди, а не ты ли тот рыжий придурок, которому не хватило пороха позвать меня на свидание?»

Я просовываю тощие веснушчатые руки в рукава форменной красной ливреи, в которой выгляжу как чокнутый фанат Майкла Джексона.

– Спасибо на добром слове, Дэйв. Ты отлично умеешь подбодрить.

Дэйв пропустил мою колкость мимо ушей.

– Я пытаюсь тебя спасти от тебя самого. И от участи дрочить до конца жизни.

– Дэйв.

– Да, мой сладенький?

– Гори в аду.

– Ты такой милый, когда злишься, – проворковал он и чмокнул меня в щеку. – Хотя бы *спроси* ее.

– О чем – спроси? – Дэни вышла из туалета, вытерла руки бумажным полотенцем, скатала его в шарик и точным броском швырнула в мусорку, победно вскинув кулак, когда он приземлился в ведро.

– Э-э... Да мы тут говорили о фильме «Я ступаю по этой земле», – быстро сказал я, заливая в аппарат для попкорна искусственное сливочное масло, от одного вида которого можно отравиться.

Дэни фыркнула. Мне этот звук казался убийственно привлекательным. В моем воображаемом фильме она часто так делала. Зрителям понравится. Дэни взяла щипцы и равнодушно потыкала пережаренные сосиски, греющиеся в печке.

– Ах да. Тот фильм, который вроде как проклят? Ну конечно!

– Ты что, не смотрела «Шоугерлз»? Проклятые фильмы очень даже существуют.

Дэйв поднял правую руку.

– Факт.

Дэни закатила глаза.

– Я не про плохие фильмы, а про проклятые. В смысле, которые нельзя смотреть. Никогда. И вообще, как это Скратше умудрился раздобыть копию? Я думала, она хранится в каком-нибудь свинцовом сейфе.

Я открываю коробку пластиковых трубочек и начинаю перекладывать их в диспенсер на прилавке.

– Вот уж не знаю. А что касается проклятия, то, как утверждает наш оплот журналистской этики «Дэдвуд Дэйли Геральд», который читают целых восемьсот два человека, если только сегодня кто-нибудь не умер, во время показа «Я ступаю по этой земле» открываются врата ада. Это вроде как смесь «Волшебника из страны Оз» и «Темной стороны Луны», без наркотиков, но зато с демонами.

Дэни широко улыбнулась, и в моей голове пронеслась очередная сцена из моего фильма.

Сцена 12: Дэни и Кевин бегут по полю, заросшему люпином. На заднем плане рок-фолк-группа играет ироничную, но чувственную любовную балладу. На Дэни белый сарафан, обнажающий плечо с классной татуировкой: сакура плюс имя ее младшего брата.

– Я сделала для тебя кружку на уроке ироничной керамики, – говорит она и протягивает мне кружку из цельного куска глины, без дырки.

– Спасибо. Ироничный кофе – мой любимый напиток, – отвечаю я, и камера фокусируется на моем мужественном подбородке, покрытом сексуальной щетиной.

Наши лица склоняются друг к другу в поцелуе. Мы не замечаем, как к музыкантам приближается толпа зомби.

Очнувшись от своих фантазий, я обнаружил, что Дэни вопросительно смотрит на меня.

– Так, о чем это я... – продолжил я, покраснев. – Раз уж сегодня последний день «Киножути», может, Скратше появится тут?

Дэни взяла две соломинки и надела их себе на резцы, как клыки.

– Да он небось занят: поджаривает невинных младенцев в духовке.

Дэйв пожал плечами и щедро обмакнул начос в сырный соус.

– Это просто новая порция пищи для слухов про Скратше.

Вот уже несколько десятков лет мистер Скратше был любимой городской легендой Дэдвуда, штат Техас. Он приехал сюда в 1963 году, когда страна еще оплакивала безвременно почившего многообещающего президента, и немедленно купил обветшавший городской кинотеатр «Кинопуть», построенный еще в 1920-е годы. В течение года он превратил его в «Киножуть» – кинотеатр, специализирующийся исключительно на ужастиках. Он был оснащен такими передовыми фишками, как система «запаховидения», сиденья с электрошоком и скелеты, падающие на зрителей с потолка на невидимых лесках. К тому же там был единственный в радиусе сорока миль 3D-экран. На премьеры фильмов народ съезжался из самого Абилина. Лично я понятия не имею, зачем затевать бизнес в Дэдвуде⁴, который вполне оправдывает свое название. Уехать куда подальше – пожалуй, лучший вариант для жителей Дэдвуда. Если, конечно, у вас вообще есть варианты.

Ну так вот.

Скратше никто не видел уже много лет, даже мы. Когда в кинотеатр набирали сотрудников, нас всех попросили заполнить короткую анкету со странными вопросами о наших мечтах, надеждах и страхах. Потом я получил по почте короткую записку, написанную очень официальным почерком: «Поздравляем, мистер Грант. Вы нам подходите. Искренне Ваш, Николас Скратше».

Его затворнический образ жизни порождал множество слухов: то говорили, что он родом из Трансильвании. То, что он из циркового городка во Флориде. Он высокий. Нет, он карлик. Священник-расстрига, практикующий нетрадиционные способы экзорцизма. В незапамятные времена убил дворянского сына и с тех пор скрывается у нас в городе. Слухов про Скратше ходили десятки, но достоверных доказательств его существования было всего три. Во-первых, кинотеатр. Во-вторых, его подпись на наших чеках с зарплатой. В-третьих, черно-белая фотография в рамке на плохо освещенной стене у лестницы, ведущей в проекторную. На ней был изображен Скратше, перерезающий ленточку в день открытия «Киножути» 31 октября 1964 года.

Мне эта фотография никогда особо не нравилась. На ней Скратше был в синтетическом костюме с искрой – из тех, которые, кажется, вспыхнут от одной спички. Но пугало меня не сомнительное чувство стиля Скратше, а его глаза. Черные, как ночь. Глядя в них, можно было увидеть только собственное отражение. Каждый раз, как я проходил мимо этой фотографии, его глаза осуждающе следили за мной. У меня вставали дыбом волосы на затылке, а все внутри наполнялось липким страхом. Эти глаза заставляли меня снова и снова смотреть в них.

Вычурная готическая люстра на потолке замигала, и свет потускнел. Скачки напряжения – одна из печально известных особенностей «Киножути». Через несколько секунд лампочки снова разгорелись в полную силу. Мы все дружно выдохнули.

⁴ Deadwood – сухостой; дерево, засохшее на корню (англ.).

– Пронесло! – воскликнула Дэни и дала мне «пять».

Мне так нравилось чувствовать мимолетное прикосновение ее кожи к моей, пусть это был всего лишь хлопок ладонями. Факт: когда проводишь большинство вечеров, прокручивая на проекторе старые ужастики, любой человеческий контакт доставляет истинное наслаждение. Звучит жалко. Что ж, это наверно потому, что я и есть немного жалкий. В жизни, как и в кино, главное найти свою нишу и работать в ней.

Наш стажер-девятиклассник Джонни, стоявший снаружи, начал судорожно подавать сигналы, что он готов убрать бархатный шнур, за которым выстроились в очередь зрители. Джонни был вертлявым малым с ученическими правами и мерзкой привычкой пересказывать сюжет каждого фильма, который мы собирались посмотреть. В порядке мелочной мести мы с Дэйвом и Дэни притворились, что не понимаем его бурную жестикуляцию. Мы сами принялись размахивать руками в импровизированном танце, пока наконец Джонни не открыл дверь и не заорал:

– Ну эй, народ! Я их запускаю или как?

– Давай, крошка! Жги! – Дэйв сложил пальцы пистолетом и выстрелил в Джонни, который, напрягшись, рванул к веревке и принялся нервно тереть медную застежку. Дэйв вздохнул:

– Боже, храни стажеров!

– Ну вот и все. Наша последняя смена, – сказал я, наблюдая, как люди проталкиваются к входу. – Привет от уходящих в небытие.

Зале заполнился едва ли на треть. Даже в последний вечер и даже с якобы проклятым фильмом мы не смогли добиться аншлага. Неудивительно, что нас сносят. Дэйв напомнил всем выключить мобильные телефоны и начал фотографировать зрителей, которые и сами делали селфи и тут же публиковали их в соцсетях.

Я начал заготовленную речь:

– Добро пожаловать на последний сеанс в «Киножути». У нас вы получите лучшие впечатления от просмотра отборных винтажных фильмов ужасов.

– Заткнись и врубай кино! – крикнул с последнего ряда Брайан Родди. Не зря мы прозвали его Брайн Уродди.

Я сделал глубокий вдох.

– Как вы знаете, фильм «Я ступаю по этой земле» проклят...

– Ки-но! Ки-но! Ки-но! – скандировали Брайан с друзьями. Пара хипстеров вяло попытались их заткнуть, но Брайана это только раззадорило.

– Эй, Уродди, мамочка до сих пор тебе корочку с сэндвичей срезает? – У меня за спиной внезапно возникла Дэни и направила билтерский фонарик прямо в глаз Брайану.

Он заслонил лицо рукой.

– Эй ты, не слепи меня!

– Не беси меня – тогда не буду, – парировала она. – Я тебя прикрою, приятель, – прошептала она мне. От ее дыхания у меня по спине побежали мурашки.

– Все, кто работал над этим фильмом, скончались при загадочных обстоятельствах, – продолжил я. – Исполнительница главной роли Наталья Маркова повесилась в дешевом мотеле. Молодой повеса Джимми Рейнолдс погиб, врезавшись на машине в дерево. Счетчик пробега показывал шестьсот шестьдесят шесть миль.

– Божечки! – пискнула девчонка в первом ряду, хихикавшая с подружками. От них так разило алкоголем, что слезились глаза.

– Исполнитель главной роли, Алистер Финдли-Кушинг...

– Это его настоящее имя, не псевдоним! – самодовольно вставил кто-то из хипстерской тусовки местного колледжа.

Дэни прошептала:

– Википедиот.

подавив улыбку, я продолжил чуть громче:

– Алистера нашли лежащим на постели, а на полу была начерчена пентаграмма, в центре которой было прибито его сердце, – я сделал паузу, наслаждаясь произведенным эффектом. – Но самое страшное не это. На смертном одре режиссер Рудольф Ван Хессе признался, что продал душу дьяволу, чтобы снять этот фильм, поэтому он может сбить с пути истинного любого, кто его посмотрит. Фильм насквозь пропитан злом. В каждом кадре сияет всепоглощающий мрак. Эта картина не предназначена для человеческих глаз!

– Как мрак может сиять? – спросил хипстер Дик.

В моем фильме он будет умирать медленно и мучительно, удушенный собственной гадкой бородкой. Я продолжил, не обращая на него внимания.

– И пусть Ван Хессе провел последние десять лет своей жизни в психиатрической клинике, это не помешало ему уничтожить все копии фильма, кроме одной, которая хранилась под замком последние пятьдесят пять лет. Эту самую копию мы и покажем вам сегодня.

– Ого! – выдохнул зал.

– Так что надевайте свои особые демонические 3D-очки и наслаждайтесь. Увидимся после сеанса – если останетесь в живых.

В зале погас свет, и у выхода я наткнулся на Дэни.

– Ой, прости! Ты в порядке? Черт, мне так жаль.

Ванильный аромат ее духов вызвал желание немедленно уткнуться лицом в изгиб ее шеи. Она дернула бровью, и я осознал, что все еще держу ее за плечо. Я отскочил подальше.

– Прости.

– Все в порядке, – сказала Дэни и вышла из зала в ярко освещенное фойе. Я секунду помедлил, чтобы прийти в себя.

– Прости, – сказал я снова в темноту, хотя сожалел только о том, что пришлось ее отпустить.

Я познакомился с Дэни в середине девятого класса. Она переехала в Дэдвуд из Сан-Антонио и оказалась со мной в одной группе на классном часе (нас делили по алфавиту, от А до Г: Дэни Гарсия, Кевин Грант). У нее тогда были розовые волосы, собранные в два хвостика, и выглядела она как человек из Большого города. К тому же на ней была футболка с группой «Бикини Килл». Я пропал.

– Привет! Классная майка! – сказал я, указав на принт.

– Боже мой! – заорала Лана Бренч. – Кевин ткнул новенькой в сиськи!

Добрых две недели меня называли исключительно мистер Сиськин. После этого мое общение с Дэни свелось строго к «привет-пока». С галерки я наблюдал за чередой ее недолговечных романтических увлечений: Пол Питерсон (известный своим убеждением, что любая поверхность подходит для скейтборда), Игнасио Агиляр (странные отношения, в основном состоявшие из смс-переписки), Марта Диксон (непродолжительный период экспериментов с ориентацией, в память о котором осталась коллекция тематических футболок), и, главный кошмар – Майк Эверетт, который расстался с Дэни за три дня до дискотеки по случаю Дня святого Валентина, чтобы пойти на нее с Талишей Грэм, а уж это просто вопиющее извращение, сродни вечеринкам в подгузниках.

А потом каким-то чудом Дэни занесло в «Киножуть».

– Решила посмотреть, что это за место, – пояснила она. – Все лучше, чем подавать картошку в «Ай да бургере».

Последние четыре месяца мы вкалывали бок о бок, каждый субботний вечер разыгрывая сцены из пошлейшего в истории подросткового романтического сериала: их пальцы случайно соприкоснулись в чане с попкорном, вот это вот все. Дружелюбно кивали друг другу, пополняя банки с конфетами. Переглядывались, споря с Дэйвом, какая экранизация Ричарда

Мэтисона лучше: «Последний человек на Земле» (мой выбор), «Человек Омега» (Дэни) или «Я – легенда» (Дэйв, питавший слабость и к Уиллу Смиту, и к немецким овчаркам). Закончив смену, мы тащились в закусочную «Айхоп», чтобы подкрепиться рыхловатыми панкейками и пережженным кофе. Сидя там со своим лучшим другом и девушкой, в которую я был тайно влюблен, я чувствовал себя вампиром: смотрел в окно на проносящиеся по шоссе редкие фуры и мечтал, чтобы рассвет задержался еще хотя бы на пару часов, продлив мое ночное блаженство.

Как только наше западнотехасское захолустье начинало озаряться предрассветными лучами, мы расходились по машинам.

– Ну, увидимся! Если, конечно, нас не прикончат во сне злокозненные демоны, – говорил я на прощание. Дэни смеялась и давала мне «пять», а я всю дорогу до дома искал объяснение этому жесту, высасывая крохи надежды из каждого движения ее пальцев. Я заходил в дом, аккуратно переступая через мамины пустые бутылки из-под водки. А потом укладывался в постель и в очередной раз прокручивал в голове свой фильм про Дэни и Кевина с неизбежным триумфально-романтическим финалом.

– И-и-и, начали! – сказал я, когда из динамиков раздалась зловещая музыка. Проходя к выходу мимо окна проекторной, я успел разглядеть на экране дрожащие начальные титры.

– А ты что же, не будешь смотреть этот шедевр мирового кинематографа? – спросил Дэйв, устроившийся на полу с мешочком травки.

– Может, попозже. – Я бросил многозначительный взгляд в сторону Дэни, но Дэйв уже был полностью поглощен скручиванием косяка, что он проделывал с мастерством олимпийского уровня.

– Лучше бы мы напоследок показали что-нибудь стоящее. Скажем, «Пункт назначения 12: на этот раз действительно последний». Вот это я понимаю – кино, – сказал он.

В отличие от меня Дэйв считал старые ужастики полной ерундой. Он не видел шарма в фонтанах крови из кетчупа и превращениях оборотней, созданных титаническими усилиями покадровой съемки. Если в фильме не было дорогуших сцен взрывов и горы трупов, Дэйв моментально терял интерес.

– И вообще, нафига приходить сюда, платить двенадцать баксов за билет, давиться прогорклым попкорном и вляпываться в жвачку новыми кедами, – продолжал Дэйв густым от дыма голосом, – если всю эту фигню можно загрузить с мобильного, сидя на толчке?

Я закатил глаза:

– Шик.

– Это будущее, чувак. А это... – Выдыхая клубы дыма, Дэйв обвел рукой тесную проекторную. – Это – кладбище.

Он протянул мне косяк, я покачал головой, и он предложил его Дэни.

– Нет, спасибо. Я и так кайф словлю, за компанию.

Дэйв пожал плечами и сделал еще затяжку.

– Да, но как же сам ритуал? Купить билет и закуски, найти идеальное место, – возразил я. – И все эти незнакомые люди, которые смотрят фильм вместе с тобой, меняют твоё восприятие. Ты слышишь, как они смеются, ахают, шмыгают носом. Это создает чувство причастности к коллективу. С ноутбуком или телефоном такого не будет. Разделять свои переживания с другими – основа нашей цивилизации. Это напоминает, что мы...

– Что мы что?

– Люди. Которым нужны другие люди, – ответил я, мельком глянув на Дэни.

– Прекрасные слова, Кевин, – Дэйв притянул меня к себе, сдал в объятиях и поцеловал в макушку. – Мамочка, наш малыш Кевин совсем вырос!

Я отпихнул Дэйва.

– Не все в этой жизни повод для шуток.

– Все, главное хорошенько подумать, – парировал Дэйв, и, как бы я его ни любил, в этот момент мне хотелось его треснуть. Мне было ужасно жаль, что «Киножуть» закрывают. Мне страшно нравилось это место: вытоптанные ковры в розах, тесная проекторная, где вечно пованивает травкой и потом, аляповатые люстры с непредсказуемыми мигающими лампочками, замусоренные попкорном ряды красных кожаных сидений, здоровенная афиша у входа, на которой пьяные шутники нередко меняют местами буквы, составляя непристойные слова. Когда отец ушел от нас, а мама совсем спилась, кинотеатр стал моим вторым домом. Даже больше домом, чем сам дом.

– А я тебя понимаю, – к моему удивлению, сказала Дэни. – Когда смотришь эти старые фильмы в таком месте, ощущаешь связь со всеми, кто смотрел их до тебя. Почти чувствуешь их присутствие.

– В таком случае, надеюсь, вы захватили презервативы, – сказал Дэйв, гася косяк. – Безопасность прежде всего, детки.

– Да боже мой, – закатила глаза Дэни. Как же ей это идет!

– Дэйв, – немного резко сказал я. – Сделай хоть что-нибудь полезное. Вынеси мусор. Воняет, как на свалке.

– Кев, как, по-твоему, на меня подействует проклятие, если я не буду смотреть фильм? Почему бы тебе самому не вынести мусор?

– Потому, что я тут менеджер.

Дэйв испустил преувеличенно громкий вздох, встал и направился к двери.

– Абсолютная власть развращает абсолютно. Обсуждаем. Ах да, и еще кое-что. – Он повернулся к нам задом, громко пукнул и закрыл за собой дверь. Я услышал, как он выкрикнул «Победу пролетариату!», шагая по коридору.

– Признайся: тебе его навязали? Это что-то вроде общественных работ? – сказала Дэни, помахав рукой перед носом.

– К сожалению, никаких бонусов за дружбу с Дэвидом Уилсоном мне не положено. Разве что пожизненный запас жутких историй, которые можно будет рассказывать внукам.

Дэни, одетая в легкомысленную маечку с группой «Мисфитс», дрожала: кондиционер работал на полную. Она упорно отказывалась носить вычурную форменную ливрею, каждый раз выдвигая новые аргументы вроде: «Я такое уродство не надену», «Дресс-код – тот же расизм» или «Все равно начальник меня не видит».

Она повернулась ко мне с виноватой улыбкой, от которой у меня екнуло сердце.

– Извини, опять свитер забыла. Можно?...

Я на автомате стянул с себя ливрею и накинул ей на плечи, что делал почти каждую смену.

– Спасибо, – Дэни продела руки в рукава и украдкой понюхала мою ливрею. Я взмолился, чтобы от нее нормально пахло, но, судя по улыбке Дэни, все было в порядке. Она взяла плюшевую фигурку Ктулху с полки, на которой она уже несколько месяцев сооружала затейливую инсталляцию в стиле хоррор. В своей текущей реинкарнации Ктулху щеголял в розовом платье с «Хэллоу Китти».

– Странно, что я буду так скучать по этому месту, да?

– Нет. Совсем не странно, – я надеялся, что попал в список того, по чему она будет скучать. – Можем собираться вместе по пятницам, надевать форму и заливать пол кока-колой, чтобы воссоздать атмосферу.

Я постарался говорить шутливым тоном на случай, если эта идея ее не заинтересует.

– А я могла бы напрыскать вокруг освежителем с запахом горелого попкорна, чтобы у нас снова возникло это странное смешанное чувство отвращения и голода.

– Точно, – добавил я, слегка теряя голову от вспыхнувших надежд. – А потом кто-нибудь из нас крикнет: «Пожалуйста, выносите за собой мусор. Спасибо, приятного вечера».

Мое воображение опять слетело с катушек. На этот раз мы мчались по пустыне на винтажном «Мустанге», как парочка отъявленных преступников.

– Давай, Кевин, – говорит Дэни, пересаживаясь на водительское сиденье, и я высовываюсь из люка и целюсь из обреза в фуру, полную зомби, которая пытается столкнуть нас с дороги.

– И где это кучка мертвяков научилась так водить?

Разумный вопрос. Дэни у меня умница.

– Не знаю, детка. Разберись с этим на стадии монтажа, – говорю я и швыряю назад ручную гранату, которая взрывается победоносным фейерверком из зомби. – Это вам за «Психо» с Винсом Воном!

Дэни нервно теребила платье Ктулху.

– Гх-м... Я ведь тебя так толком и не поблагодарила.

– За что?

Она махнула плюшевым Ктулху в сторону своей инсталляции.

– Ты первым воспринял всерьез мое творчество.

Я смущенно пожал плечами.

– Это потому что у тебя классно получается. Ты классная. В смысле, классный художник. И твои работы... классные.

Черт.

– Все равно, это много для меня значило, – сказала Дэни, к счастью, пропустив мимо ушей мое неловкое бормотание. – Это из-за тебя я решила подать документы в Техасский университет и получила стипендию на факультете искусств.

«Это из-за меня она уезжает из Дэдвуда. Ну, отлично».

– Было бы здорово, если бы ты как-нибудь согласился мне позировать.

При мысли о том, что я буду позировать для Дэни (возможно, у нее на кровати), мое лицо запыхало. Не хватало еще, чтобы она это заметила.

– Как в «Титанике», что ли? – я распластал руки по стене. – Джек! Дже-е-ек!

Дэни рассмеялась.

– Вот за это ты свою форму назад не получишь. Теперь она моя. – Она поплотнее завернулась в ливрею. У нее в глазах зажегся азартный огонек. В моей груди насмерть сражались сердце и дыхание, и оба проигрывали.

– Да какая теперь разница, – сказал я. – Оставь себе.

Дэни кивнула, но ее улыбка погасла.

– Жалко, когда прошлое просто стирают вот так, – я догадался, что она говорит не только про кинотеатр.

За полгода до того, как Дэни оказалась со мной в одном классе, ее мама и младший брат полетели в Мехико на свадьбу к родственникам. Погода была паршивая, по всему побережью штормило. Они пролетели над Корпус-Кристи, когда в самолет ударила молния. Лишившись двигателя, самолет некоторое время парил в свободном падении, а потом рухнул вниз. Обломки разлетелись в радиусе мили по живописным пляжам Саус-Падре. Кто-то нашел в дюнах свадебный подарок, который везла с собой мама Дэни. Его вынесло на берег без единой царапины.

Я порылся в пыльной коробке в поисках 3D-очков в черной оправе.

– Говорят, в них можно увидеть невидимое, – сказал я, надеясь отвлечь Дэни, пока она совсем не загрустила. – Вроде как там есть спецэффект: демоны как будто сходят с экрана. Оттуда-то и пошли все эти слухи про врата в ад. В то время это была очень крутая фишка. И никто не знает, как они это сделали.

– Правда? – Дэни повертела очки в руках. – Ну что, попробуем?

– На счет три, – сказал я. – Один.

– Два.

– Три, – и мы надели очки.

На экране возникло старинное поместье, каким его представляли в начале 1960-х годов. Повсюду деревянные панели, картины в рамах и чучела животных. Джимми Рейнольдс, косящийся под Джеймса Дина, прислонился к камину, изображая крутого парня, хотя и был одет в костюм начала девятнадцатого века с шейным платком. Факт: никто не может выглядеть круто в шейном платке. Красотка Наталья Маркова в бальном платье возлежала на оттоманке, распустив по плечам черные локоны. Рядом с ней Алистер Финдлер-Кушинг потягивал из стеклянного стакана нечто, видимо, изображавшее благородный скотч, и произносил свой текст с пресыщенным среднеатлантическим акцентом:

– До меня дошли слухи о вашей семье. Безумие у вас в крови. Вы ведь родом из Карпат, если не ошибаюсь?

Сверкнула молния, осветившая восковые фигуры с жуткими пастями, заглядывающие в окна особняка. И вдруг Джимми Рейнольдс в панике ринулся к экрану:

– Бегите, пока можно! Снимайте очки и скорее уходите из кинотеатра! Вы в огромной опасности!

– Вау! Вот это рекурсия, – пробормотала Дэни.

– Ага. В духе «Вторжения похитителей тел». – Мое плечо коснулось ее плеча, и мне захотелось придумать слово, которым можно было бы описать пробежавший по моему телу разряд. Эровзрыв? Квазисекс?

– Умоляю, вы должны мне поверить! – продолжал Джимми Рейнольдс. – Они придут за вами, и скоро! Я уже такое видел. Вам не выжить. Скорее выключите фильм, прошу вас! Это единственный способ спастись.

Наталья Маркова нервно обернулась в сторону зрительного зала, потом глянула на Джимми Рейнольдса.

– Томас, что ты такое говоришь? Ты не в себе.

– Ну и мур! Но в то же время как-то затягивает, – задумчиво протянула Дэни.

– А мне нравится, как в те времена выкручивались со спецэффектами. Все эти макеты, двойные экспозиции, деление экрана, покadroвая съемка. Костюм для «Твари из Черной лагуны» сделали из пенного латекса. А эти звуки ножевых ранений? Кто-то просто ронял спелые фрукты и записывал, как они шлепаются об пол.

– Серьезно? Круто!

Впервые в жизни фильм меня совершенно не интересовал. Мне просто хотелось быть рядом с Дэни, болтать о всякой ерунде, которая со временем начинает казаться важной, а потом, если все пойдет хорошо, мы могли бы гулять ночь напролет, глядя, как над равниной занимается рассвет, окрашивая все вокруг в розовый цвет, когда мы впервые поцелуемся.

У меня вспотели ладони, и я вытер их о джинсы.

– Ты на лето здесь остаешься?

Дэни была все еще поглощена фильмом, и я тронул ее за плечо.

– А, что? Ой, прости. – Она повернулась ко мне. Огромные 3D-очки делали ее похожей на жука-мутанта. Мне это очень нравилось.

– Ага. Устроилась нянкой к близнецам Куперам. Они те еще сопливые дьяволята, но зарплата приличная.

Из зала продолжал доноситься нелепый диалог:

– Вы знаете, что у этого старого дома есть секреты...

– Зачем мы тянем эту пантомиму? Мы все знаем, чем это кончится. Я хочу разорвать контракт. Я хочу уйти.

– Тише, Джимми! А не то он тебя услышит.

– Ну так что ж, летом, когда ты не будешь занята с детишками из преисподней... – у меня в горле как будто застрял воздух. – Я подумал, может, ты захочешь...

Дверь в проекторную распахнулась, и ворвался Дэйв, прижимающий к себе три гигантских стакана с колой и несколько коробок конфет, которые он, очевидно, стырил с прилавка.

– Угощение!

– Класс! – Дэни сняла очки, сунула в карман пачку «Эм-энд-Эмс», взяла из рук Дэйва запотевший картонный стакан и проткнула пластиковую крышку трубочкой.

– Ага. Спасибо. Ты как раз вовремя, – проворчал я и взял свою колу. Дэйв плюхнулся на табуретку рядом с проектором и напялил очки, которые сняла Дэни.

– Ух ты, чуваки! Вы зеленые! Нет, красные! Нет, зелено-красные! Погодите-ка, да вы трехмерные!

Дэни фыркнула.

– Во всяком случае, некоторые из нас.

– Жжешь напалмом, Гарсия! – Дэйв поднял очки на лоб, как какая-нибудь голливудская старлетка. – А знаете что? Алистер Финдли-Кушинг очень даже ничего. Я бы не прочь с ним переспать.

– У тебя этот список бесконечен. Тебе даже тренер Пелсон нравится!

– Тренер Пелсон – красавчик. Эдакий бывший борец-чемпион.

– А-а-а, прекрати! – засмеялась Дэни. – Ты портишь мои романтические ч/б-воспоминания о физкультуре!

Была у Дэйва одна особенность: он всем нравился. Даже в его похабных шутках была своя прелесть. Так, однажды в столовой он напихал в рот ягодного желе и притворился, что его вырвало кровью прямо на голову визжащей Лайлы Спаркс, которая издевалась над Дженнифер Трухильо за то, что у нее «усики». Он был моим лучшим другом с тех пор, как в седьмом классе мы оказались за одной партой на физике. А через два месяца он уедет в Стэнфорд, и я понятия не имел, как это пережить.

В зале продолжался фильм, совершенно равнодушный к моей судьбе.

– Это же чертово копыто! Знак того, кого нельзя называть – самого Люцифера!

– Сам сказал – «нельзя называть» и тут же такой: «Да ладно, скажу „Люцифер“». Эй, а вы знаете про старика Алистера? – Дэйв игриво пошевелил густыми бровями. Он был просто кладзем сальных голливудских сплетен. – Он тоже был с левой резьбой. Однажды даже пытался покончить с собой.

Я поднял стакан.

– Так выпьем же за эту радостную весть! Спасибо, Дэйв.

– Не торопись, брат. Это был не какой-нибудь трагический гомофобный суицид. Вовсе нет. Алистер упросил священника провести сеанс экзорцизма и помочь ему очиститься. Он утверждал, что пошел на сделку с дьяволом ради славы и с тех пор не знал ни минуты покоя. «Я ступаю по этой земле» не просто фильм, а живое существо, пожирающее человеческие души и требующее добровольных жертв. Разве не странно, что оба раза, когда показывали этот фильм, кинотеатры сгорели?

– Да уж, звучит довольно пугающе, – признала Дэни, дергая плюшевого Ктулху за веревочку. – Но сегодняшний вечер посвящен не трагедиям прошлого, а тому, как избежать трагедий в будущем. – Она посмотрела мне прямо в глаза, и мне сразу захотелось стать лучше. – Древние боги требуют ответа на животрепещущий вопрос.

На прошлой неделе Дэни согласилась сыграть маньячку с воздушными шариками в моем фильме «Зомби-сплин», четвертом эпизоде в серии шестиминутных ужасиков. Честно говоря, сценарий был не ахти: я придумал его на ходу. Это был просто повод провести с ней побольше времени. Посреди съемок нас прогнала с кладбища какая-то взбесившаяся белка, а потом мы так хохотали, что не смогли вернуться к работе. Потные и прибалдевшие, мы купили

по большому стакану газировки и направились в городской парк, укрывшись от техасского зноя в скудной тени пожухлого дуба.

Дэни набрала в рот гелия из шарика.

– Привет, я твой школьный психолог, Тит Андрогин. Каковы твои планы на будущее, Кевин? – спросила она голосом Минни Маус. А потом своими теплыми нежными пальцами прижала шарик к моим губам.

Я терпел, сколько мог, чтобы продлить ее прикосновение. Наконец я вдохнул.

– Я останусь на своей родной планете Полножопотопия – буду работать в местном кафе-мороженом. – Спасибо гелию, это прозвучало смешно, а не печально.

Дэни потеряла глаза, на которых еще остались следы густого сценического грима.

– И как же это вышло?

Мне хотелось прибегнуть к отработанному приему и отшутиться, но вместо этого я сказал правду.

– Во-первых, финансы. Во-вторых, паршивые оценки. А в-третьих... – я сделал глоток «Доктора Пеппера». – Мне надо присматривать за мамой. У нее... проблемы со здоровьем.

– А как же твой отец? Он не может помочь?

– Отец живет в Аризоне, – ответил я.

Каждое Рождество мы получали от него нарядную открытку с фотографией его семьи-2.0, исправленной и дополненной. Они позировали в одинаковых рубашках, с одинаковыми улыбками на фоне гигантской дизайнерской елки. Это все так отличалось от задрипанной прокуренной квартирке, где жили мы с мамой и где она проводила большую часть времени на диване перед телевизором – в отключке или в похмелье. Алкоголизм довел ее диабет до критического состояния, и теперь она пропивала пособие по инвалидности, едва успев его получить. В редкие моменты трезвости она целовала меня в лоб и шептала:

– Я тебя не заслуживаю. Оставь меня и уезжай.

Но мне не хотелось бросать ее, как бросил отец.

– Что ж, будучи твоим психологом, я обязана напомнить, что у тебя есть и другие варианты, – сказала Дэни, и от ее полного надежды взгляда мне захотелось верить, что она права. Единственное, в чем я был уверен, – это мои чувства к Дэни. Когда я осмеливался представить будущее, которое каким-то образом оказалось не насквозь паршивым, я всегда в первую очередь представлял нас двоих: она пишет картины, я снимаю инди-ужастики. Но прорваться в кинематограф, сидя в Дэдвуде, совершенно нереально. К тому же Дэни не захотела бы тратить время на такого неудачника, как я. Дело в том, что у Дэни варианты и правда были, и я был совершенно уверен, что уж меня она точно не выберет.

– Кев? – окликнула меня Дэни. – Так какие планы?

Я схватил плюшевого Ктулху, избегая ее взгляда.

– Слышал, что есть большие перспективы в сфере заказных убийств.

– Мой дружан Кев собирается снять первый в истории хипстерский ужастик, – сказал Дэйв.

Я ухватился за его слова, как утопающий за соломинку.

– Именно! – Я сделал еще глоток колы, пытаясь избавиться от кома в горле. – Прикол в том, что будет непонятно, кто зомби, а кто нет, потому что как можно отличить прожженного хипстера от ходячего мертвеца? Называться будет – Та-да-да-да-ам! – «Антизомби». Сначала будет кровавое месиво, а потом антизомби стоят такие на концерте и говорят «Гр-р-рх-х», что переводится как: «Фу, эта человечина – такой мейнстрим».

Дэни кивнула.

– Понятно. И что дальше?

Я пожал плечами.

– А ничего.

Дэйв усмехнулся.

– Очень в духе Кевина.

Я понимал, что он шутит, но его слова врезались мне в душу, как осколок гранаты. Я затолкал плюшевого Ктулху поглубже в карман.

– Удар ниже пояса, Дэйв.

Он пристально посмотрел на меня, и это было едва ли не больнее.

– Дэни права. Еще не поздно стать частью будущего. Оно наступает, приятель. Готов ты к этому или нет.

– Угу, – буркнул я. – И я слышал, в нем будет «Старбакс».

Лампочки опять начали свою нервную светомузыку. У актеров на экране стали заплетаться языки, словно спьяну, а потом изображение погасло. Мы погрузились в темноту. Свет вырубился. На этот раз совсем.

– Черт, – сказал я в темноту.

Из зала доносились недовольные возгласы. Кто-то визжал. Чертовы капризные ублюдки. В тот момент я ненавидел их всех.

Дэйв покачал головой.

– Чувак, я в прошлый раз ходил.

Я вздохнул.

– Ладно, я пошел, – может, так и останусь в подвале до конца смены.

Дэни взяла фонарик с полки у входа.

– Я с тобой. На случай, если Скратше держит там свой гроб и тебе понадобится подкрепление.

При этих словах все надежды, которые я возлагал на этот вечер, восстали из небытия.

Мы на ощупь добрались до лестницы, ведущей в фойе. На полу включились маленькие аварийные лампочки, от которых красный ковер казался окровавленным. Дойдя до фотографии Скратше, я притормозил. Даже в темноте эти глаза манили меня: «Взгляни на меня, Кевин. Я вижу тебя насквозь». Четыре последних ступеньки я преодолел одним скачком. Сердце бешено стучало.

Снаружи небо озарилось молнией, по полупустой парковке барабанил дождь. Нас с Дэни нагнал Джонни, возбужденный, как гиперактивный щенок.

– Эй, а что с фильмом? Только началось самое интересное! Так странно, мне стало казаться, что я и сам часть фильма.

– Вау, да что ты говоришь?

Я прошел мимо него, открыл дверь в зал и крикнул:

– Народ, простите! У нас свет вырубил. Через пару минут все уладим, и фильм продолжится. Спасибо за терпение.

Я приготовился услышать привычный хор возмущенных возгласов, но из зала донеслись только странные стоны, и я понадеялся, что мне не придется разгонять оргию на последних рядах.

– Страшновато как-то, – продолжал Джонни, – Мне показалось, я видел...

– Чувак, мы должны починить свет. Через пять минут вернемся, – сказал я.

Мы с Дэни открыли дверь за прилавком и стали спускаться в сырой и пахнущий затхлостью подвал. Кондиционера там не было, и жара проникала сквозь стены. В подвале было жарко, как на кухне, где целый день готовили. Резкий контраст с тем, что творилось наверху, но скорее неприятный.

– Где тут щиток? – спросила Дэни, водя лучом фонарика по бетонным стенам. Световые круги отчетливо напоминали фильмы Джорджа Ромеро.

– Справа, – сказал я. – Выше.

Она подняла фонарик выше, и я открыл металлическую дверцу. Дернул главный рубильник, раздался знакомый щелчок включившегося генератора, а потом и приглушенный диалог актеров. Длинные флуоресцентные лампы на потолке заморгали, как разбуженные дети, а потом разгорелись как следует, залив подвал неприятным синеватым светом. Я знал, что нужно идти обратно, но мне хотелось еще немного побыть наедине с Дэни.

– Ого! – я прошел дальше в подвал. – Просто эпизод из фильма «Барахольщик».

Вдоль одной стены тянулись металлические полки, на которых громоздились стопки журналов «Фангория»⁵. В углу, забытая в куче сломанных сидений, гнила двухметровая фигура болотного монстра. На полу стояла коробка пыльных сувениров: красноглазые резиновые крысы, гильотины для обрезки сигар и все в таком духе. Дэни стала перебирать покрытые пятнами афиши старых фильмов:

– «Монахини Сатаны. Демонический мистер Лэмфри», – прочитала она одно из названий. – «Пятерня доктора Времяубийцы».

– Зацени-ка этот, – я вытащил постер 1970-х годов с изображением вампира в пижаме, который мастерским ударом вырубал двух наркоторговцев. Позади него из золотого «Кадилака» выглядывал татуированный оборотень, злобно обнаживший клыки и явно намеревавшийся проглотить парочку дилеров. Я прочитал слоган:

– «Доктор Драк и мистер Вулф: преступникам не уцелеть». Нет, серьезно. Как это вообще можно считать ужасиком?

– Ну а что? Дракула и оборотень, самая что ни на есть классика, – сказала Дэни и шутливо пихнула меня плечом. Меня как током ударило.

Я улыбался как дурак.

– Ну нет. Это просто кошунство. Все равно что снять «Закон и порядок в Трансильвании». У оборотня в руках ружье. Как это вообще возможно? У него же больших пальцев нет!

Дэни рассмеялась, и мне, не скрою, захотелось и дальше травить шутки, чтобы слышать ее смех снова и снова.

– А вот это класс, – Дэни взяла в руки лук и стрелы – подарочный набор к фильму «Робин Гуд: принц Тьмы». – Таким и убить можно. Неужели они их детям раздавали? – она прижала стрелу к тетиве, целясь мне в сердце.

Я поднял руки.

– Поаккуратнее с этим.

– Не волнуйся, – Дэни опустила руки. – Я целый семестр занималась стрельбой. Мое величайшее достижение – попасть тренеру Пелсону в зад.

– Ого, так это была ты? Ты могла бы сыграть в неизбежном римейке фильма «Ипполита»⁶ восстает из мертвых» 1966 года.

Дэни осторожно уселась на фальшивое надгробие.

– Ты правда любишь эти старые фильмы, да?

– Ага. Настоящий хоррор основан на человеческих переживаниях: печаль, страх, сомнения, беспокойство... Страсть. – Тут я неловко сглотнул. – А эти новые фильмы? На пятой минуте уже кого-нибудь режут бензопилой. Никаких эмоций. Совершенно безликое зрелище, как порнуха в интернете.

«Черт. Зачем я упомянул порнуху?»

– Я тебе не рассказывала, что на первом свидании мои родители смотрели ужасик? – спросила Дэни, и я покачал головой. – Ну так вот. Моя бабушка была яркой католичкой и пукала маму на свидания только в сопровождении тети Йоли. Папа рассказывал, Йоли так орала, что менеджеру пришлось вывести ее в фойе. И тут папа говорит: «Ха-ха, только нас и видели».

⁵ Американский журнал о фильмах ужасов.

⁶ Царица амазонок.

Они с мамой ушли через заднюю дверь и пошли в клуб. Так что, как ни странно, я родилась благодаря ужасу. – Она улыбнулась, и мое сердце принялось отбивать чечетку.

– Ого. Круто, – с трудом выдавил я. Стоявшая в подвале жара начинала действовать. Я вытер пот с шеи.

Дэни снова посмотрела мне прямо в глаза.

– Знаешь, в Техасском университете отличный факультет кино. И это не так уж далеко от Дедвуда. Да перестань ты! Не надо делать такое лицо. Я серьезно.

– Ну да, ну да...

– Кевин! – она больше не улыбалась. – Чего ты боишься? На самом деле?

На самом деле? Пауков. Того, что меня бросят. Что я окажусь недостаточно хорош. Что меня отвергнут. Ответственности. Что меня похоронит заживо какой-нибудь псих. Что я упущу шанс сходить на свидание с лучшей девушкой на свете. Что я стану таким, как мой отец. Список был бесконечен. Но в основном я боялся будущего, которое было столь пугающим в своей неопределенности и душило меня, лишая возможности дышать. Я боялся остаться тут, когда Дэни и Дэйв устрелятся в это самое будущее. Но мне казалось, что, признав этот страх, я лишь дам ему больше власти над собой.

– Йа нитшего не паюсь, – сказал я с фальшивым немецким акцентом. – Ведь я Ван Гейзер и убиваю вампирские сперматозоиды при температуре ровно сто четыре градуса.

Губы Дэни разочарованно скривились.

– М-м, ну как скажешь. Ладно, не важно. Пойдем наверх, – равнодушно сказала она и слезла с надгробия.

Черт. В моей голове закрутился новый фильм: «Ночь живых идиотов».

Сцена первая. Подвал. Гадкий-прегадкий вечер.

Толпа зомби атакует Кевина, но останавливается, понимая, что убивать его незачем. Склейка. Титры. Конец.

Когда мы поднялись наверх, свет еле-еле горел. Зато кондиционер шпарил на полную. От резкого перепада температур меня начало знобить. Джонни стоял в демонических очках, подперев ногой дверь и заглядывая в зал через щелку.

– Джонни? – окликнул я. Он не ответил. – Прием. Земля вызывает Джона. Ты зарядил машину для попкорна? Джон?

Я щелкнул пальцами у него над ухом. В конце концов я сдернул очки у него с носа, и он заморгал.

– Ой. Привет. Когда это вы успели вернуться?

– Сынок, разве мы с мамой не предупреждали тебя, как опасна марихуана? – спросил я. Вид у Джонни был все еще ослепительный. – Серьезно, приятель, ты в порядке?

– Да. Вроде бы. Так странно. Я смотрел фильм, и на какое-то время мне показалось, что я на самом деле там.

– Оке-ей, – протянула Дэни, закидывая в машину для попкорна свежую порцию генно-модифицированных зерен. С луком на плече и стрелой в заднем кармане джинсов выглядела она сногсшибательно круто.

– Дело в том, что мне хотелось быть там. Мне не хотелось уходить, – продолжал Джонни. – А потом мне показалось, что я увидел монстров за окном особняка.

– Да-да, Джонни. Это и называется фильм ужасов. – Я предоставил им с Дэни заниматься попкорном. Мне тут делать было особо нечего, но мне хотелось побыть рядом с ней. Чтобы создать видимость какой-то деятельности, я стал перемешивать лед в большом металлическом ведре, разбивая слипшиеся куски и мечтая отмотать этот стремительно уходящий вечер назад.

– Да нет, не в этом дело, – раздраженно возразил Джонни. – Потом вдруг оказалось, что монстры уже внутри дома. И кто-то окликнул меня по имени. Он сказал, что монстрам нужно разрешение, чтобы выйти, и попросил меня дать им это разрешение.

Дэни обеспокоенно посмотрела на него.

– И что ты сказал?

– Я сказал... – Джонни дернулся, будто стряхивая воображаемых жучков. Его голос вдруг стал ниже, будто он одним махом проскочил переходный возраст. – Я сказал: «Конечно, заходите».

И тут с Джонни стало твориться что-то совсем неладное. Его голубые глаза вдруг покраснели, а кожа на лице съежилась, как будто в него плеснули кислотой. Дернувшись всем телом, он рванул к прилавку.

– Ни хрена себе! – прошептала Дэни, сделав шаг назад. Джонни продолжал наступать.

Я выскочил вперед, загородив собой Дэни и держа наготове коробки с конфетами, как гранаты.

– Пошел прочь, демон малолетний!

Одна из коробок уголком попала в глаз Джонни. Заорав от боли, он вырвал коробку, а вместе с ней и глаз.

– Черт! У меня сети нет! – позади меня Дэни трясла над головой телефоном, пытаюсь поймать сеть. – Черт бы тебя побрал, «Верайзон»!

Тут из зала показались еще двое демонов. На одном из них была кепка Брайана Родди. Я и раньше побаивался этого гада, а сейчас был готов наложить в штаны от страха. Рот у него был огромный и круглый, с торчащими острыми клыками. Он повалил вопящего Джонни на пол и вгрызся ему в шею, чуть не оторвав голову, похожую на восковой муляж.

– Скорей, бежим! – Я толкнул Дэни в сторону проекторной. Мы с рекордной скоростью преодолели лестничный пролет.

– Не смотри фильм! – заорал я, сбив Дэйва с табуретки.

– Какого хрена? – он с ошалевшим видом посмотрел на меня. – Только стало интересно. Как будто я внутри фильма.

– Боюсь, так оно и было, – сказал я, отчаянно пытаюсь отдышаться и не грохнуться в обморок. – Все эти разговоры насчет проклятия – не брехня. Похоже, фильм крадет души и превращает людей в каких-то зомби-демонов.

Дэни с вытаращенными глазами кивнула.

– Точно. Джонни попался. У него лицо расплавилось как фондю, прямо у нас на глазах! А потом появился Брайан Уродди и начал его жрать!

По ту сторону окна в зале по-прежнему мелькала черно-белая картинка. Дэйв начал сгибать и разгибать пальцы. Этот прием для самоуспокоения ему посоветовали родители-психологи на случай, когда у него обострялось обсессивно-компульсивное расстройство.

– Кевин. Дэни. Вы меня пугаете.

Из зала раздались истошные вопли – прямо караоке-вечеринка в аду.

– Надо сматываться. Прямо сейчас, – сказал я.

– А что, если там начнется полноценный зомби-апокалипсис? – спросила Дэни.

– План А: бежим к заднему входу, потом – в «Тако-белл» за помощью.

– А план Б какой? – спросил Дэйв.

За свою жизнь я пересмотрел сотни ужасиков. Я наизусть знал все клише и приемы, все сценарии, когда люди вели себя глупо или безрассудно и в итоге погибали. Я всегда самодовольно смотрел на все это и думал, уж я-то не стал бы вести себя так по-идиотски. Теперь же я понял: некоторые вещи нельзя спланировать, нужно просто принимать решение и надеяться, что оно сработает.

– Тогда и разберемся, – я повернулся к Дэни. – Иди за мной. Если что-нибудь случится, если кто-то из этих тварей нападет на меня, просто беги. – Когда она начала протестовать, я пояснил: – Твой отец уже достаточно настрадался. К тому же ты получила стипендию.

– А как же ты?

Я пожал плечами.

– А по мне кто будет скучать?

Дэни ахнула и сжала губы.

– Ты просто болван, знаешь? – Она схватила меня за руку, и если бы я не был на грани обморока от ужаса, я бы почувствовал себя счастливейшим человеком на земле.

Я медленно открыл дверь проекторной. Вроде все чисто. Мы крадучись пошли вниз по лестнице, прислушиваясь к шуму дождя по крыше. И тут я обратил внимание на фотографию на стене. Скратше исчез. Игра света? Я собирался спросить Дэни и Дэйва, заметили они это или нет, но тут Дэни зашипела:

– Кевин, идем!

В конце лестницы мы резко остановились. Четверо зомби толкались у задней двери, кида-ясь друг на друга.

– Что. За. Адова. Хрень? – прошептал Дэйв в очевидной панике. – Черт. Ну и какой план Б?

– Пошли к главному входу. Только тихо, – я начал красться вдоль стены. Когда мы добра-лись до прилавка, я поднял руку и мотнул головой в сторону постера «Я ступаю по этой земле», под которым двое зомби дожевывали изуродованное тело Джонни. – Просто идем дальше, – сказал я, легонько сжав руку Дэни. – Не привлекаем к себе внимания.

Я не отрываясь смотрел на дверь. Косой дождь лил сплошной серой стеной. Пятнадцать футов. Десять. Пять. Ноль. Я осторожно нажал на ручку, стараясь не издать ни звука. Ручка не подавалась.

– Хватит придуриваться, Кевин! – прошептал Дэйв.

– Я не придуриваюсь!

Позади раздался сдавленный булькающий вопль, будто кто-то вырубил сработавшую сирену. В фойе вышли зомби, которых мы видели у задней двери. Они разинули огромные пасти, демонстрируя пульсирующие мембраны своих змеиных глоток. Это было страшнее любого спецэффекта и к тому же на сто процентов реалистично. Парочка, доедавшая Джонни, поднялась с колен и уставилась на нас, растопырив когтистые пальцы.

– Чувак, ты же менеджер. Скажи им, чтобы убирались. Представление окончено. Пусть расходятся по домам.

– Дэйв, возьми себя в руки, – прорычала Дэни.

– Не могу. Я уже вообще не в себе. Пытаюсь не обделаться от страха.

– За мной! – Я побежал к прилавку. Зомби окружили нас, замерев от любопытства, но я не мог долго на это рассчитывать.

– Хватайте все, что можно использовать как оружие.

– Типа чего? – крикнул Дэйв.

– Не знаю. Не доводилось раньше мочить зомби. Импровизируйте!

Дэни принялась бросаться льдом. Дэйв схватился за тарелки с начос. Я огляделся по сторонам. Солонки, салфетницы, крендели. Чаны с маслом. Хм, масло...

– Эй, помогите! – я схватил два кухонных полотенца в качестве прихваток и взялся за похожую на больничную утку посудину, из которой попкорн поливали прогорклым маслом.

Дэйв уставился на меня как на психа.

– И что ты собираешься с этим делать? Ждать, пока они подохнут от повышенного холе-стерина?

– Помните, мы смотрели «Пришельцев с 11-й планеты»? – сказал я, приподнимая крышку. – Помните, как они в итоге убили пришельцев?

– Пришельцы не выносили жар. Они их расплавили! – воскликнула Дэни и подхватила чан с другой стороны.

Тварь, некогда известная как Брайан Родди, подскочила к прилавку, готовясь наброситься на нас.

– Эй, Брайан! Маслица подлить? – крикнул я, точь-в-точь как герой из фильма. Мы с Дэни выплеснули на него желтую бурлящую жижу. Брайан заорал и скорчился. Обжигающее масло разъедало его кожу, и хотя он был настоящим засранцем и я часто мечтал прикончить его серией отточенных карате-приемов, которых на самом деле не знал, сейчас мне было неприятно смотреть на его страдания, пусть он и превратился в зомби.

Дэйв нервно захохотал.

– «Маслица подлить?» Чувак, это было круто! – Он попытался дать мне «пять».

Я не отреагировал, и его рука застыла в воздухе.

– Не сейчас!

– Гр-р-р! – рычал зомби-Брайан.

Голос Дэйва дрогнул от страха.

– Кажется, ты его разозлил.

Я схватил Дэни и Дэйва за руки.

– План «В»: в зал, на счет три. Раз, два...

Испустив боевой клич, Дэйв рванул вперед, потянув нас за собой. Мы навалились на двери в зал. Дэни схватила стоявшую у стены метлу, сломала ее о колено и просунула обломки сквозь большие золотые ручки.

Я пихнул Дэйва локтем:

– Я сказал на счет «три», осел!

– Я не мог больше терпеть. Эти твари похожи на гигантские куски говяжьего студня! И воняют! – пыхтел Дэйв, пнув пустой стакан от газировки. – Хуже способа умереть не придумаешь! Черт, а у меня ведь билеты на «КомиКон»!

Да уж, сегодняшний вечер сложился совсем не так, как я планировал. Я должен был пригласить Дэни на свидание. Она бы, как я очень надеялся, согласилась. А вместо этого мы проводили свою последнюю смену в кинотеатре, обороняясь от толпы сбежавших с экрана кровожадных тварей. Дверь затрещала под натиском зомби. Скоро наш импровизированный засов не выдержит.

«Это происходит на самом деле, Кевин. Думай!» – сказал я себе. У меня в голове было столько ужасиков, а теперь, когда они наконец могли пригодиться, я не мог придумать выход. И вдруг меня озарила безумная идея.

– Эй! – крикнул я в сторону экрана. – Эй вы! Слушайте сюда.

– Ты что делаешь? – Дэни тронула меня за руку, и я пожалел, что не могу сейчас насладиться ее прикосновением.

– Я не собираюсь сдаваться без боя, – пообещал я и снова заорал в экран: – Я знаю, что вы меня слышите. Посмотрите на меня!

Наталия Маркова бросила взгляд в мою сторону. Ее не было в живых уже пятьдесят лет, но ее изображение продолжало жить, сияя застывшей красотой, как ископаемое.

– Я все видел! Да-да! Сюда! – продолжал я, размахивая руками. Она тоже махнула мне.

– Привет!

– Помогите нам. Пожалуйста! – сказал я. – Вы ведь уже видели такое, правда? Ты же говорил, Джимми?

– Э-э, ну вроде да, – он провел рукой по своей неотразимой ретроприческе. – Но я просто поддался моменту, понимаете? Я ведь актер.

– С какой стати мы будем помогать каким-то соплякам вроде вас? Вы даже одеваться толком не умеете, – отозвался с дивана Алистер Финдли-Кушинг, не выпуская из рук стакан с бурбоном.

– Потому что мы – будущее, – сказал я. – В каждом фильме кто-то из персонажей должен остаться в живых, чтобы рассказать историю. Иначе... иначе в этом просто нет смысла.

– Не обязательно, – возразил Джимми Рейнольдс. – А как же «Бульвар Сансет»? Там повествование идет от лица мертвеца.

– Спасибо за спойлер, призрак Джонни, – раздраженно прошептал Дэйв.

– Ох, детка. Я бы тебе рассказала, – промурлыкала Наталья со своим родным бруклинским акцентом. – Но тогда он нас накажет.

– Кто? – спросил я.

Взгляд Натальи остановился на чем-то за моей спиной.

– Он.

С задних рядов гулко раздались медленные аплодисменты. Он вышел из тени, одетый все в тот же костюм с искрой, как на фотографии.

– Bravo! Отлично сработано. Должен сказать, я немало удивлен.

– Мистер Скратше? – Я всматривался сквозь дымчатый свет от экрана в эти черные бездушные глаза. Он выглядел ничуть не старше, чем в 1963 году.

Мистер Скратше отвесил нам галантный поклон.

– К вашим услугам... В некотором роде.

Он взмахнул рукой, как дирижер. Обломки метлы вылетели из ручек двери. В зал ввалились голодные рычащие твари и принялись рассаживаться по местам, зачарованные мерцающей картинкой на экране.

Скратше улыбнулся.

– Ах, люди. Вам никогда не надоедает пялиться на экран, воображая себя по ту сторону красивыми, успешными, бессмертными. Везде одно и то же: люди сидят в темноте, жаждут света и историй о том, как добро побеждает зло, и упиваются самодовольными мыслями о том, что в конце концов победа будет за ними.

– Твое место здесь, с нами, Скратше, и ты знаешь это! – воскликнул Рейнольдс, упав на колени. – Тебе удалось сбежать лишь потому, что ты обрек всех нас на вечное проклятие!

– Эй, Марлон Брандо, потише, – пробормотала Дэни.

– Ах, Джимми, Джимми, – мистер Скратше почесал голову, напоминая директора школы, слегка разочарованного своими подопечными. – Действительно, я принес вас в жертву в обмен на свое освобождение. Но ведь вы сами подписали контракт. – Жестом фокусника он извлек откуда-то свиток, на котором стояли сотни подписей. Щелчок: свиток свернулся обратно и исчез в кармане Скратше. – Я слышал, что ты сказал сегодня, Джимми. Ты пытался предупредить зрителей. Разве я не объяснял тебе в прошлый раз, что это повлечет *последствия*?

– Простите, мистер Скратше. Я просто ужасно устал от заточения в этом фильме. – Джимми выглядел напуганным и усталым. – Я ношу этот шейный платок уже пятьдесят шесть лет. Я выгляжу в нем как идиот.

– Принято к сведению, – мистер Скратше щелкнул пальцами, и вдруг Джимми Рейнольдса поглотило пламя. В следующую секунду от него остался только шейный платок и выжженное пятно на ковре. – Это тебе за отклонение от сценария.

Дэйв ошалело смотрел перед собой, напевая песенку из мультфильма «Заботливые мишки». Он всегда так делал, когда ему казалось, что мир разваливается на части.

– А от нас вы чего хотите?

– Полагаю, вопрос в том, чего хочешь *ты*, Кевин? Чего вы все хотите? Хотя это риторический вопрос. Я же читал ваши анкеты.

Скратше с грацией леопарда в несколько шагов пересек зал и встал в центральном проходе. Он сложил пальцы домиком. Ногти у него были длинные и изогнутые.

– Полагаю, настало время дать фильму новую жизнь. Ты был прав насчет того, что кто-то должен передавать историю дальше. Быть ее хранителем, так сказать. «Я ступаю по этой земле» – новая версия для новой аудитории от режиссера Кевина Гранта. Как тебе такая идея?

Еще ни один взрослый так ко мне не обращался. Глядя прямо на меня. Будто на меня стоило смотреть.

– Но почему я?

– Я давно за тобой наблюдаю. Я знаю, что таится у тебя внутри. Жажда того, чего ты не можешь получить, – он метнул взгляд на Дэни, и она озадаченно посмотрела на меня. Мое лицо загорелось. – Мир жаждет новых впечатлений. Раньше проблема была в прокате. Но теперь, боже мой! Сейчас можно найти что угодно, не выходя из дома. Представь, Кевин – твоя версия «Я ступаю по этой земле» доступна для скачивания по запросу. Смотри онлайн, делись с друзьями. Нужна лишь небольшая жертва.

Вновь появился свиток. В другой руке Скратше держал ручку.

– Для этих ребят все кончилось не слишком хорошо, – я махнул рукой в сторону экрана. Дэйв кивнул.

– Молодец, друг.

– У них нет твоего режиссерского видения, – улыбнулся Скратше. Я понимал, что это уловка, но в душе у меня появилось ощущение, будто кто-то распахнул передо мной банковский сейф и сказал: «Давай, бери что хочешь». Улыбка Скратше стала жестче.

– Или ты хочешь просто остаться дома и присматривать за мамочкой, как хороший мальчик? Пристраститься к бутылке, как она?

– Да пошли вы! – сказал я, хотя мой голос дрожал. – У меня есть и другие варианты. – Я сам не знал, правда ли это, или мне просто хотелось, чтобы это было правдой.

Скратше рассмеялся.

– Ты что, невнимательно смотрел кино, Кевин? Вампир восстает из могилы. Ученый оживляет мозг убийцы. Зомби возрождаются. На этом основаны все сиквелы и ремейки. Зло невозможно победить. Нет, разумеется, если бы тебе удалось уничтожить последнюю копию этого фильма *сейчас*, до того, как ты отдашь мне свою душу, ты победишь. Но проектор-то вон где, – Скратше показал на толстое стекло в узком окошке проекторной. – Он для тебя недостижим. Как и твои мечты, – в его темных глазах сверкнуло пламя. – У вас уже давно нет других вариантов, мистер Грант. В глубине души ты сам это знаешь. Переходи на мою сторону... или вы все умрете. Тебя никогда не пожирали зомби? Говорят, это больно. Еще как.

На экране потрескивал камин. Я глянул через плечо на вихрь пламени и бесконечную пустоту внутри него, лишенную очертаний, как мое безнадежное будущее. Я пристально посмотрел на Наталью.

– Пожалуйста, – взмолился я. – Хотя бы намекните.

На мгновение она уставилась в пол. А потом прошептала:

– Фильм питается вашими страхами. Это они дают ему силу.

Скратше приложил руку к груди. На его лбу проступили крошечные рожки, а его зубы вытянулись.

– Ах, какая досада. Надо было взять на эту роль Ивонн де Карло.

Он снова щелкнул пальцами, и Наталья с криком отлетела назад. Ее пригвоздило к стене, а в сантиметре от ее шеи застыл кинжал.

– Веди себя хорошо, милочка, – казал Скратше. – Я знаю, как тебе будет неприятно отыгрывать остаток контракта с перерезанным горлом. То еще зрелище.

Дэйв зажмурился и стал раскачиваться из стороны в сторону.

– Перестань бояться. Перестань бояться. Перестань бояться.

Я притянул к себе Дэйва и Дэни, обняв их за плечи. Я еще никогда не был так близко к ней. Мы стояли практически нос к носу, и вдруг на меня нахлынула жажда того будущего, о котором она спрашивала тогда под деревом. Будущего с ней.

– Фильм питается нашими страхами, так? Значит, надо перестать давать ему пищу. Ну-ка! Что противоположно страху?

– Тейлор Свифт? – предположил Дэйв. Мы с Дэни злобно уставились на него. – Ну а что? Мне она приносит радость.

Я повернулся к Дэни.

– А у нормальных людей что противоположно страху?

Дэни судорожно вздохнула.

– М-м, храбрость? Радость? Любовь? Альтруизм? Надежда?

– Вот именно, – сказал я.

– Что именно? Я назвала штук пять вариантов.

На ее лице играли блики от экрана. Я смахнул с ее щеки каплю масла.

– Надежда, – сказал я.

В дымчатом свете с экрана я превратился в призрак самого себя, шагая к передним рядам.

– Если это последние пять минут моей жизни, мне есть что сказать.

– О, да он из тех, кто любит пафосные прощальные речи. Чудненько, – пробормотал Алистер, уткнувшись в свой стакан.

– Знаете, вы довольно мерзкий тип, – сказал Дэйв. – Вы мне больше не нравитесь. Я, может, даже похлопаю, когда вы вернетесь в ад.

Алистер пожал плечами.

– Я актер малобюджетного кино, парень. Я уже в аду, – он осушил свой стакан, и тот немедленно наполнился снова. – Это даже не настоящий алкоголь.

– Мистер Грант, затянувшийся финал начинает меня утомлять. А со мной не очень приятно иметь дело, когда мне скучно, – пригрозил Скратше.

– Еще секундочку. – Я повернулся к Дэни. В фильмах, которые я придумывал про нас, я всегда был дерзким и спокойным, потому что в этом не было никакого риска. В моих сценариях был тот самый огрех, который так раздражал меня в чужих. Но теперь, глядя в ее большие карие глаза, видя в них страх, гнев и тревогу, я чувствовал, как меня захлестнули все эмоции сразу. Я ненавидел себя за то, что потратил столько времени впустую, и больше всего на свете хотел стать тем самым героем, которым себя воображал. Который был бы достоин ее.

Я откашлялся.

– Дэни, я знаю, что сейчас не самый подходящий момент, учитывая, что нас вот-вот сожрут демоны или мы отправимся в ад, что никак не соответствует моим представлениям о первом свидании. Но дело в том, что ты мне очень нравишься. Безумно. До умопомрачения. Я понимаю, что это глупо, но мне нужно знать: если бы сегодня был обычный субботний вечер и я бы позвал тебя на свидание, ты бы согласилась?

Дэни уставилась на меня во все глаза. Я не мог понять, злится она, радуется, грустит или все сразу.

– Вау. Ты умеешь выбрать момент.

– Ага. Знаю, – мое сердце упало. – Прости. Забудь, что я сказал.

– Заткнешься ты хоть на секунду, Кевин? – Она подошла ближе. – Я уже целую вечность жду, чтобы ты меня пригласил, а ты этого до сих пор не сделал. Это из-за тебя я устроилась на эту дурацкую работу. А теперь, когда нас вот-вот отправят в ад на вечные муки, ты наконец набрался смелости?

– Я... погоди. Я тебе нравлюсь?

– Да боже мой! – Дэни в бессилии всплеснула руками. – Серьезно? Ты хочешь сказать, ты не замечал?

– Э-э-э... Нет.

– Черт, мальчишки такие тупые.

– Это сексизм.

– Прости. Я имела в виду: «Кевин такой тупой».

– Уже лучше. Так почему же ты сама меня никуда не позвала?

– Потому что... – Дэни нахмурилась. – Потому что сделать первый шаг страшно.

– Ага, – сказал я, улыбаясь вопреки всему происходящему. – Очень-очень страшно.

– О-о-о, вы такие милые, – сказала Наталья. – Ужасно жаль, что вы или пойдете на корм монстрам, или будете обречены на вечные муки.

– Э-э, спасибо? – сказал я и добавил: – Мэм.

У меня было первое и, возможно, последнее свидание с девушкой моей мечты в кинотеатре, полном зомби, которых возглавлял приспешник дьявола, и мой мозг отказывался выдавать что-либо разумное.

– Кев! – встревоженно окликнул меня Дэйв. – Похоже, эта штука с надеждой не сработала.

Мистер Скратше рассмеялся.

– Видишь, Кевин. Нет способа меня остановить, – он снова раскатал свой свиток. – Прими свою судьбу.

– Нет! Погодите! – я ринулся вперед. Потом замер. – Можно же уничтожить фильм.

– Да-да, но тебе это не под силу, – нетерпеливо прервал Скратше. – А даже если и под силу, сомневаюсь, что такой человек, как ты, уничтожит последнюю копию редкого фильма. Тебе-то ведь хорошо известно, каково это, когда тебя списывают со счетов.

Я никогда не хотел быть таким, как мой отец – обрубить все связи и отчалить в неизвестность, имея при себе лишь надежду. Но теперь я смотрел на это иначе. Может, иногда лучшее, что можно сделать, – это сжечь все мосты и начать заново. Если мы переживем сегодняшнюю ночь, я подам документы в Техасский университет. Черт, да я подам документы в дюжину университетов!

Я подбежал к Дэни.

– Ты ведь умеешь обращаться с луком? – прошептал я.

– Как человек, который занимался стрельбой всего один семестр и в итоге выстрелил в задницу тренеру – пожалуй, да.

– Кто сказал, что есть только один способ остановить фильм? – я глупо улыбнулся. – Всегда есть варианты.

Дэни улыбнулась мне в ответ.

– Есть.

– Ну так что, мистер Грант? Каков ответ? Зрители заждались. – Скратше указал на толпу замерших в нетерпении зомби.

– Я хотел бы показать вам трейлер своего первого короткометражного фильма под названием «Вы нам не указ» в блистательной 3D-версии, – я вытащил из кармана плюшевого Ктулху. – Дэйв, зажигалку, пожалуйста.

Дэйв протянул мне синюю зажигалку «Бик».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.